

ЕГОР ГАЙДАР

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ

РОССИЯ В МИРЕ:

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ

СССР

АЗИАТ

Егор Гайдар

**Долгое время. Россия в мире.
Очерки экономической истории**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2005

УДК 338(47)
ББК 65

Гайдар Е. Т.

Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории /
Е. Т. Гайдар — «Институт экономической политики имени Е.Т.
Гайдара», 2005

ISBN 978-5-93255-635-1

Работа «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории» посвящена обоснованию стратегических направлений экономической политики России, актуальных для периода написания книги и для современных условий. Фундаментом этого обоснования стало исследование и обобщение мировой экономической истории от неолитической революции до наших дней, что позволило проследить истоки и условия зарождения в Европе такого исключительного явления, как современный экономический рост, определить факторы, препятствующие переходу к этому типу роста и использованию его возможностей, выявить актуальные проблемы развития России и мировой экономики. Для тех, кто работает или будет работать в органах государственной власти, вырабатывать и проводить в жизнь решения, влияющие на развитие России, а также для широкого круга читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 338(47)

ББК 65

ISBN 978-5-93255-635-1

© Гайдар Е. Т., 2005

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2005

Содержание

Введение	6
Раздел I	12
Глава 1	12
1.1. Тысячелетия статичного состояния общества	13
1.2. Современный экономический рост: понятие и основные черты	15
1.3. Структурные изменения в обществе	18
1.4. Национальные траектории современного экономического роста	25
1.5. Эволюция России на фоне мирового развития двух последних столетий	26
Глава 2	35
2.1. Исторические условия возникновения марксизма	36
2.2. «Железные законы истории» и их судьба	39
2.3. Начало кризиса марксизма	42
2.4. Конфликт между теорией и «светской религией»	46
2.5. Ревизия марксизма, вызов постиндустриального развития	47
2.6. Марксизм и современность. Некоторые выводы	52
Глава 3	56
3.1. Историческое время	57
3.2. Доминирующая идеология	63
3.3. Отставание от лидеров	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Егор Тимурович Гайдар
Долгое время. Россия в мире:
очерки экономической истории

© Е. Т. Гайдар, наследники, 2022

© Фонд «Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара», 2022

Введение

Первые наброски предлагаемой вниманию читателя работы я написал в начале августа 1991 года. Тогда для нас самой актуальной научной, да и жизненной задачей было не столько понять, чем же был советский социалистический эксперимент на фоне долгосрочных тенденций социально-экономического развития в мире, сколько предугадать, с какими ключевыми проблемами столкнется Россия, стремясь к интеграции в мировую систему рыночных отношений.

Дальнейшее развитие событий – августовский путч, его провал, крах СССР и социалистической системы, трудное начало рыночных реформ – заставило меня надолго отложить работу над этой тематикой.

В свое время Ленин прервал работу над «Государством и революцией», объяснив это тем, что интереснее делать революцию, чем писать о ней. Ничего интересного и романтического я в революциях не вижу. Мне ближе китайская мудрость: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен». Но могу засвидетельствовать, что быть активным участником революционных событий и пытаться продолжать научные исследования проблем долгосрочного социально-экономического и политического развития непросто.

Последние 15 лет были для России временем бурных изменений социально-экономической и политической структуры. Рухнули Советский Союз с его тоталитарным политическим режимом и командной экономикой, вассальные режимы в Восточной Европе. Сформировались новые, независимые государства, границы, установления.

Советский Союз 1989 года, Россия 1992 года и тем более Россия 2004 года – разные страны. В них по-разному организованы экономика, структура собственности, государственные и общественные институты. Крах социализма положил начало длительному периоду институциональной неустроенности, когда старые правила и установления уже не работали, а новые еще не работали и не могли работать: за ними не было традиции, привычности, общественного согласия. Наступило время слабых и неустойчивых правительств, ненадежных денег, дурно соблюдаемых законов – время, когда государство плохо справляется со своими обязанностями по обеспечению законности и порядка именно потому, что не может меняться синхронно с обществом; общество уже ушло туда, где еще нет государства. Такой период всегда тяжел для тех, кто его переживает.

Сейчас, когда я пишу эти строки, основные задачи собственно постсоциалистического перехода в экономике России решены. Рыночные институты, пусть несовершенные, сформированы. Трансформационная рецессия (см. гл. 9) позади. Экономика несколько лет устойчиво растет. Вызывающие тревогу социальные, экономические и политические проблемы остаются, но это уже другие проблемы.

Слабая судебная система, коррумпированный и неэффективный государственный аппарат, слабый банковский сектор лишь некоторые примеры. Но все это проблемы, которые в той или иной мере встречаются и в рыночных экономиках, никогда не переживавших деформаций, связанных с социалистическим экспериментом.

Важный результат тех перемен, которые произошли в последние годы, – возвращение России в современный мир. Это возвращение трудное и противоречивое, отнюдь не триумфальное и еще не вполне завершенное. Перед Первой мировой войной российская интеллигентная и деловая элита уже была частью европоцентристского мира. В последующие десятилетия эти связи прервались или критически ослабли. «Большой террор», изоляционизм, ксенофобия, шпиономания, жесткое ограничение личных контактов, информационного обмена надолго отделили нашу страну от мира. Но в последние годы мы в мир возвращаемся.

Именно потому, что Россия снова становится частью современного мира, необходимо понимать, как он устроен, как и почему он стал таким, каковы важнейшие тенденции, определяющие мировое развитие, какие над ним нависают проблемы и противоречия.

Перед нашей страной стоят серьезные долгосрочные стратегические проблемы, но важно знать и учитывать, что с похожими проблемами уже сталкивались другие страны, ушедшие вперед по уровню экономического развития.

В обществе, уставшем от перемен, революционных потрясений, политические элиты, пришедшие к власти и обеспечившие хотя бы относительную стабильность, хоть какой-то порядок, получают необычную в истории свободу маневра, даже выбора стратегического курса. Такой свободы никогда не имеют политики, действующие в периоды долгосрочной стабильности социально-экономических и политических институтов или, напротив, в дни бурных, революционных потрясений.

Постсоциалистический переходный период по своей природе исторически короткий. Формирующиеся институты, принимаемые решения, разумеется, могут оказывать долгосрочное влияние на развитие событий в экономике и обществе, но само время сжато, измеряется годами, месяцами, днями и никогда – поколениями.

В политике периода постреволюционной стабилизации заложено объективное противоречие. Оно состоит в том, что стратегические решения, от которых зависит траектория движения страны на поколения вперед, приходится принимать политическим лидерам, только что вышедшим из периода потрясений, смут и кризисов. Оперативный кругозор этих лидеров по необходимости сжат до месяцев, в лучшем случае до нескольких лет (до ближайших выборов), а серьезное обсуждение долгосрочных перспектив кажется непозволительной роскошью.

При выработке стратегии развития страны надо видеть стоящие перед ней проблемы, находить пути их решения. В середине 80-х годов прошлого века в СССР десятки институтов в рамках работы над Комплексной программой научно-технического прогресса были заняты обсуждением перспектив развития страны на 15–20-летний период. Почти никто не занимался тем, что происходило сегодня и будет происходить в советской экономике, скажем, в ближайшие 3–9 месяцев. В годы переходного периода ситуация кардинально изменилась. Появилось много интересных материалов, посвященных текущей конъюнктуре, но мало работ, ориентированных на стратегические проблемы развития, долгосрочное прогнозирование¹. Между тем важнейшие проблемы, которые придется решать в России на протяжении следующих десятилетий, – демографическая динамика, изменение возрастной структуры населения, устойчивость пенсионной системы, сдвиги в структуре производства и потребления, обусловленные выходом на постиндустриальную стадию развития, – имеют долгосрочный характер. Чтобы конструктивно обсуждать их, нужны длительная историческая ретроспектива, понимание логики долгосрочных изменений, проблем, порождаемых инерционностью институтов, созданных на более ранних стадиях развития.

Если мы хотим смотреть не назад, а вперед, выработать решения, позволяющие России в XXI в. взять реванш за неудачи XX в., занять достойное место в ряду свободных и преуспевающих государств, надо попытаться понять, в чем состоят уроки, которые можно извлечь из опыта мирового развития, представлять, в каком окружении нам предстоит вырабатывать и реализовывать собственную линию развития. Вот что побудило меня вновь через много лет вернуться к исследованию долгосрочных тенденций мирового социально-экономического развития, поиску места России в меняющемся мире.

Те проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня или столкнемся в будущем, не случайный набор трудностей, связанных с постсоциалистическим переходом, а проявление дол-

¹ Правда, в последнее время такие работы стали появляться (см.: Мир на рубеже тысячелетий / Рук. В. А. Мартынов, А. А. Дынкин. М.: Новый век, 2001; Федоренко Н. П. Россия на рубеже веков. М.: Экономика, 2003).

госрочных тенденций. Они тесно связаны с адаптацией к процессу глобальной трансформации социально-экономических и политических структур, получившему название «современный экономический рост», который начался в XIX в.

Выйдя из постсоциалистического переходного периода, Россия не оказалась в устойчивом стационарном состоянии. Она осталась частью глубокого и масштабного, до сих пор не завершенного и трудно прогнозируемого процесса изменений в организации жизни общества. Если не понять этого, можно сделать немало ошибок при выработке ключевых решений в области социально-экономической политики. Попытка ответить на некоторые вопросы, связанные с интеграцией России в происходящие в мире глобальные процессы, – цель данной книги.

Книга написана для тех, кто интересуется проблемами долгосрочного социально-экономического развития, выработки стратегии развития России в XXI в. Это не публицистика. От тех, кто захочет ее прочитать, требуется желание и умение анализировать большие массивы статистического материала. Однако я стремился делать ее доступной для любого заинтересованного и образованного читателя, в том числе и для того, у кого нет профильного экономического и исторического образования.

Объем работ, посвященных тенденциям долгосрочного социально-экономического развития, безграничен. Как ни пытаешься расширить круг используемой литературы, он все равно остается неполным. Там, где это возможно, я цитирую либо наиболее известные, широко упоминаемые в научном сообществе работы, либо те, которые доступны читателю в русскоязычных изданиях.

Безбрежность проблематики заставляет максимально ограничивать круг обсуждаемых вопросов. В связи с этим в центре внимания автора книги все то, что связано со стержнем экономической политики – финансами, государственными доходами и расходами на разных стадиях экономического развития.

Эта работа была бы невозможна без статистической революции XX в., радикально увеличившей объем доступных нам знаний о долгосрочных тенденциях развития мира и отдельных стран. Работы С. Кузнеця, М. Абрамовича, А. Мэддисона, Б. Митчелла, П. Байроша, Р. Голдсмита и многих других исследователей резко расширили возможности сравнительного анализа национальных траекторий развития ². Труды исследователей были дополнены системными усилиями ОЭСР, МВФ, Мирового банка, Европейского банка реконструкции и развития, ООН, входящих в ее структуры организаций по формированию длинных рядов статистических показателей, характеризующих социально-экономическую динамику.

Не следует переоценивать качество исторической статистики. Чем глубже уходят в прошлое ряды данных, тем они менее надежны, включают все больше неочевидных допущений. Тем не менее тот объем знаний о социально-экономическом развитии, которым мы располагаем, позволяет по-новому посмотреть на тезис К. Маркса, сформулированный им в середине XIX в., о том, что более развитые страны показывают менее развитым картину их собственного будущего. К середине 50-х годов XX в. этот тезис был серьезно скомпрометирован. Доступные сегодня статистические материалы показывают: развитие идет сложнее, оно не носит линейного характера ³. Тем не менее социально-экономические изменения взаимосвязаны и своеоб-

² Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OESD, 1995; *Idem*. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001; Mitchell B. R. International Historical Statistics. The Americas 1750–1993. London: Macmillan Reference LT D, 1998; *Idem*. International Historical Statistics. Europe 1750–1993. London: Macmillan Reference LT D, 1998; Bairoch P. How and Not Why; Economic Inequalities Between 1800 and 1913: Some Background Figures. Geneva: Librairie Droz, 1991; Kuznets S. Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread. New Haven; London: Yale University Press, 1966; Abramovitz M. Thinking about Growth and other Essays on Economic Growth and Welfare. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Goldsmith R. W. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire. New Hawen: Income and Wealth, Series 30. N 3. September 1984; Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991.

³ «Таким образом, нет единого пути, нет всеобщего закона развития. Каждая страна, которая сталкивается с задачами

разно, но повторяются в тех странах, которые следуют за лидерами современного экономического роста.

Опыт показал, что тенденции, характерные для развития стран-лидеров, могут радикально меняться. Их трудно прогнозировать. В нашем случае задача облегчается тем, что мы не ставим целью анализ эволюции социально-экономических структур в этих странах. Цель книги иная: на основе опыта развития лидирующих стран выявить ключевые проблемы, которые в ближайшие десятилетия предстоит решать странам догоняющего развития (в том числе России), отстающим от лидеров примерно на 1–3 поколения.

В условиях быстрых изменений индустриального и особенно постиндустриального глобального мира любые попытки прогнозировать детали производственной структуры на длительные сроки малоэффективны. Разумный исследователь не возьмется всерьез обсуждать перспективы целлюлозно-бумажной или полиграфической промышленности в России на несколько десятилетий вперед. Но глубокие сдвиги в социальной сфере, сфере занятости, структуре валового внутреннего продукта, связанные с ними институциональные проблемы, с которыми стране придется рано или поздно столкнуться (если мы сумели остаться в орбите современного экономического роста), – все это можно и нужно рассматривать, опираясь и на анализ нынешних российских реалий, и на опыт стран-лидеров. Этот опыт важен для анализа перспективных проблем, с которыми сталкиваются менее развитые страны (см. гл. 1–3).

Предмет книги – попытка проанализировать этот круг вопросов, использовать накопленный в мире опыт для выработки стратегии следующего этапа реформ в России.

Работа состоит из четырех разных по проблематике и логике, но, на взгляд автора, взаимосвязанных разделов. Первый из них посвящен собственно феномену современного экономического роста, тому, в какой степени можно использовать опыт наиболее развитых стран для анализа стратегических перспектив России. В этом разделе невозможно было обойтись без обсуждения вопроса, как марксистские представления о долгосрочных тенденциях развития общества смотрятся на фоне опыта XX в.

Процесс изменения уровня жизни, структуры экономики, расселения, радикально трансформировавший организацию общественной жизни, возникает не из вакуума. В его основе – набор своеобразных институтов, необычных для предшествовавших ему долгосрочно устойчивых аграрных обществ. На рубеже XIX–XX вв. он получил название «капитализм» (кстати, смешение капитализма как набора установлений, открывающих дорогу быстрому экономическому росту, и самого этого роста – основа многих ошибок и недоразумений в литературе, посвященной анализу логики развертывания социальноэкономических процессов).

Читателю может показаться странным, что в книге, посвященной долгосрочным тенденциям, связанным с современным экономическим ростом и стратегическими проблемами развития России, присутствует раздел, в котором рассматриваются проблемы функционирования аграрных обществ, а также формирования системы институтов, получившей название «капитализм». Но, на мой взгляд, вне этого контекста невозможно понять специфику траектории развития России, стоящие перед ней ключевые проблемы долгосрочного развития. Поэтому второй раздел книги посвящен факторам, препятствующим ускорению темпов развития в условиях аграрных цивилизаций, тому, как специфические условия европейской эволюции позволили нейтрализовать их действие, открыть дорогу инновациям, сделать их массовое использование неизбежным.

индустриализации, страна догоняющего развития, вне зависимости от того, в какой степени она находится под влиянием британского опыта, в какой-то степени вдохновлена им, в какой-то степени напугана, вырабатывает свой собственный путь к современному обществу. Если это правильно для стран ранней индустриализации, то это в еще большей степени правильно сегодня. Все зависит от времени... Развивающиеся страны неизбежно будут пытаться миновать отдельные стадии развития» (см.: *Landes D. S. The Wealth and the Poverty of Nations. Why Some are so Rich and Some so Poor.* New York; London: W. W. Norton & Company, 1999. P. 236).

Современный экономический рост приводит к взаимосвязанным социально-экономическим изменениям в странах, имевших на предшествующих стадиях развития различную цивилизационную историю. Это накладывает отпечаток на то, как национальные элиты и общества приспосабливаются к вызовам современного экономического роста.

Третий раздел книги посвящен специфике развития России от аграрного общества до ранних этапов современного экономического роста и социалистического эксперимента, тем аномалиям, которые стали результатом использования модели развития, опирающейся на формирование командной экономики, проблемам постсоциалистического перехода.

Содержание трех первых разделов автор считает в своем роде расширенным введением к последнему – четвертому разделу книги. Он посвящен долгосрочным социально-экономическим проблемам, обозначившимся на стадиях высокоиндустриального и постиндустриального развития в странах – лидерах современного экономического роста: это изменение возрастной структуры населения, миграционные процессы, уровень государственной нагрузки на экономику, функционирование и эволюция систем социальной защиты, систем финансирования образования и здравоохранения, изменение способов комплектования вооруженных сил, поиск баланса между устойчивостью и гибкостью демократических институтов. Различные способы решения всех этих проблем накладываются на сегодняшние и будущие российские реалии.

На протяжении последних 15 лет мне пришлось активно участвовать в политическом процессе, в выработке ключевых решений по социально-экономической политике – от размораживания цен и введения конвертируемой валюты в России до проведения радикальной налоговой реформы 2000–2002 годов. Тем не менее предложенная вниманию читателя книга не мемуары. Я постарался в максимальной степени уйти от дискуссии о том, что в России за эти годы было сделано правильно или неправильно. Много раз и говорил, и писал об этом. Но полностью избежать обсуждения подобной проблематики в главах, посвященных России, оказалось невозможно.

Эта книга написана не с позиции человека, проработавшего всю жизнь в исследовательском институте. Активное участие в политике, особенно на этапах кризисного развития, в переломные моменты истории, когда меняются все социальноэкономические и политические структуры, – занятие малоприятное, но оно дает одно преимущество: позволяет сформировать картину мира существенно иную, чем та, которая стоит перед глазами даже очень добросовестного и квалифицированного исследователя.

Личный опыт помогает понимать, что бывает, а чего не бывает в реальной жизни, как устроен процесс принятия принципиальных решений. Если бы у меня была в свое время возможность дописать ту давнюю, начатую в 1991 году работу, абстрагируясь от этого опыта, сейчас перед читателем была бы совсем другая книга.

Менее всего хотелось бы, чтобы кто-то мог откликнуться на написанное известным афоризмом: «Вся эта теория годна лишь для дискуссии о ней»⁴. Специальная целевая аудитория книги – те, кто работает или рано либо поздно будет работать в органах власти, вырабатывать и проводить в жизнь решения, от которых зависит развитие России в долгосрочной перспективе. По своему опыту, по опыту своих друзей и коллег, работавших или работающих в правительствах (причем отнюдь не только в российских), хорошо знаю, как трудно в череде срочных проблем сохранить видение стратегической перспективы. Надеюсь, что соображения, сформулированные в этой работе, будут полезны тем, кому доведется в первые десятилетия XXI в. формировать стратегию национального развития нашей Родины.

Хочу поблагодарить М. Алексеева, Н. Бажова, Л. Васильева, С. Васильева, Э. Воробьева, М. Домбровского, В. Кудрова, Л. Лопатникова, В. Мау, В. Мельянцева, Б. Миронова, О.

⁴ Лихтенберг Г. Афоризмы. М.: Наука, 1965. С. 87.

Лациса, Л. Радзиховского, В. Синельникова, В. Стародубровского, В. Цымбала, В. Ярошенко, Е. Ясина за то, что взяли на себя труд прочитать и прокомментировать рукопись или отдельные главы, дали ценные советы. Благодарю О. Лугового за неоценимую помощь в работе по сбору и анализу исторической статистики. Благодарю Е. Мозговую, Н. Зайцеву, Т. Лебеву, Л. Мозговую за помощь в технической работе над книгой и И. Мазаева за помощь в подготовке картографического материала. Эта книга не была бы написана без терпения и помощи моей любимой жены Марии Стругацкой.

Разумеется, ответственность за возможные неточности и ошибки несет автор.

Раздел I

Современный экономический рост

Глава 1

Современный экономический рост

Выводы относительно экономического будущего представляются, однако, далеко не в столь мрачном свете, как это можно было бы заключить по современному состоянию России. Естественные природные богатства России, ее пространства, труд ее населения, быстрая исправимость культурным и духовным творчеством дефектов невежества и неорганизованности масс предоставляют такие реальные возможности, которые могут быстро восстановить наши производительные силы, поднять нашу экономику, а с ней постепенно и утраченную политическую мощь. Для этого нужна твердая экономическая политика, оперирующая реальными возможностями, а не социальными устремлениями, для этого с идеологических высот нужно спуститься в гуцу жизни и брать ее такой, какова она есть в действительности, а не такой, какой желает ее видеть воображение. Для этого нужно дело, а не фраза и лозунги, хотя бы и очень высокого содержания.

В. И. Гриневецкий⁵. Послевоенные перспективы русской промышленности

Если следить за современным миром по первым полосам серьезных газет, он кажется зыбким, постоянно меняющимся. Беспорядки в Ираке, взрывы в Израиле, столкновения в Чечне, напряженность в Кашмире. Если же смотреть за его развитием как бы отстраненно, оценивая происходящее хотя бы год за годом, он представляется устойчивым, даже статичным. Внимательный наблюдатель заметит колебания, связанные с экономическим циклом, обнаружит, что темпы роста мировой экономики изменяются в пределах 2–4 % в год, обратит внимание на плавающие котировки акций, политические катаклизмы в отдельных странах. Но жизнь подавляющего большинства людей – будь то в Мексике, Швеции, Японии или в США – меняется мало. Они, как правило, работают там, где работали два-три года назад, живут, где жили. У них примерно тот же достаток, тот же набор потребительских благ, те же обычаи и нормы поведения. Случаются, конечно, и радикальные изменения организации жизни в отдельных странах, их совокупностях – крушение существовавших режимов, революции, войны. Крупнейшим из таких изменений конца XX в. стал крах социализма в СССР и Восточной Европе. Но это скорее исключения, чем правило. Страны, которые два-три года назад были богаче других, так и остались богатыми, бедные – бедными. В большинстве случаев перемены не более заметны, чем при переходе от одного статичного кадра к другому, соседнему.

Именно в таком «коротком» взгляде на мир кроется причина распространенных представлений о неизменности сложившегося в мире порядка, об «отставших навсегда» странах,

⁵ Гриневецкий Василий Игнатьевич (1981–1919) – выдающийся мыслитель, инженер, преподаватель, организатор отечественного образования, экономист; профессор, а с 1914 г. ректор Императорского Московского технического училища, впоследствии – МВТУ им. Баумана. В 1918 г. издал книгу «Послевоенные проблемы русской промышленности», ряд идей которой, несмотря на ее антибольшевистскую направленность, были использованы на первых этапах советской власти, начиная с разработки государственных планов развития народного хозяйства, основанных на электрификации страны. – Прим. ред.

о «золотом миллиарде», который никого не пускает в свой круг. Но стоит начать отслеживать происходящее на планете не по годам, а по более крупным отрезкам времени, как картина меняется.

1.1. Тысячелетия статичного состояния общества

Всего за два прошедших века – время жизни восьми-деяти поколений – в мире произошли беспрецедентные перемены. На их фоне трудно поверить, насколько устойчивыми, статичными были основные контуры общественной жизни на протяжении тысячелетий, последовавших за формированием первых аграрных цивилизаций в Междуречье и долине Нила и их постепенным распространением на Земле.

Уровень душевого валового внутреннего продукта в Риме начала новой эры, в Китае эпохи Хань⁶, в Индии при Чандрагупте⁷ принципиально не отличался от среднемировых показателей конца XVIII в.⁸ (табл. 1.1).

ТАБЛИЦА 1.1

ВВП на душу населения в Китае на начало новой эры и в мире на 1820 г., международные доллары 1990 г.⁹

	Год	В В П
Китай	о н. э.	450
Весь мир	1820	667

Источник: *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001. P. 264.*

Среднедушевой ВВП характеризует не только уровень производства и потребления, но и уклад жизни, занятость, соотношение городского и сельского населения¹⁰. Все это, как будет показано в гл. 4, практически не менялось на протяжении тысячелетий.

⁶ Китай, династия Хань. Самая длительная династия в китайской истории, просуществовавшая с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э. после династии Цинь и перед эпохой Троецарствия. Правление и институты этой династии считались образцом для последующих. Идеологическую основу составляло конфуцианство. Была существенно продвинута на запад Великая китайская стена. Связи распространялись вплоть до Древнего Рима. – *Прим. ред.*

⁷ Чандрагупта Маурья – первый в истории объединитель Индии, основавший империю Маурьев. Правил ориентировочно с 317 по 293 г. до н. э. – *Прим. ред.*

⁸ Усредненные показатели подушевого национального продукта в ханском Китае и Римской империи достигали, по нашим ориентировочным расчетам и оценкам, соответственно 340–440 и 300–400 долл. (в относительных ценах 1980 г.); урожайность зерновых – 8–10 и 6–8 центнеров с гектара; уровень урбанизации (города с населением более 5 тыс. человек) – 11–12 и 9–10 %, продолжительность жизни – примерно 24–28 и 22–26 лет» (см.: Мельяницев В. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 56). В пересчете на международные доллары 1990 г., которые являются базовыми в данной работе, аналогичные показатели составляют 510–660 и 450–600 соответственно. По оценкам Р. Голдсмита, в золотом эквиваленте среднедушевые доходы в ранней Римской империи были несколько выше, чем в Индии в середине XIX в., но значительно ниже, чем в Англии 1688 г. или Франции и США 1820 г. (см.: Goldsmith R. W. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire // *Income and Wealth. Series 30. N 3. September 1984. P. 280*).

⁹ Здесь и далее под международными долларами подразумеваются доллары *Geary-Khamis* (названы в честь авторов методики), пересчитанные с учетом паритетов покупательной способности национальных валют и приведенные к постоянному уровню цен (в данном случае 1990 г.) (*Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995*).

¹⁰ Разумеется, экономическая история демонстрирует и существенные отклонения от характерных для большинства стран мира взаимосвязей, но об этом ниже.

Кажется, что мир статичен, почти неподвижен, исторический процесс идет медленно, неторопливо¹¹. Однако в этих неподвижных декорациях возникают и рушатся империи, зарождаются и распространяются мировые религии.

При этом мир отнюдь не единообразен. Особенности цивилизаций определяют разную организацию жизни аграрных обществ. Очевидные примеры – относительно малодетная семья, характерная для Западной Европы начала – середины 2-го тысячелетия, или необычно широкое распространение грамотности в Японии эпохи сёгуната Токугава¹².

Истории известны случаи, когда экономическое развитие внезапно ускорялось, чуть ли не достигая темпов форсированного экономического роста, характерных для Европы XIX в. Наиболее часто упоминаемый пример – ускоренное развитие Китая эпохи Сун¹³ в XI–XII вв., результаты которого произвели столь ошеломляющее впечатление на Марко Поло, выходца из самой развитой части Европы XIII в. Но этот «китайский рывок» носил временный характер. За подобными историческими эпизодами не следовали систематические перемены. Важнейшие черты экономической и социальной жизни на протяжении тысячелетий оставались стабильными, претерпевая лишь медленные, эволюционные изменения.

Время аграрных цивилизаций не было эпохой полного технологического застоя. Человечество обрело водяные и ветряные мельницы, хомут, тяжелый плуг, удобрения, трехпольную систему земледелия. Все эти новшества постепенно распространялись в мире. Шло накопление технологических знаний и навыков, которые становятся базой будущего экономического подъема. Однако по сравнению с двумя последними столетиями темпы инноваций были медленными. Применение новых технологий и инструментов растягивалось на многие поколения.

По мере углубления экономико-исторических изысканий специалисты постепенно сдвигают в глубь веков время, начиная с которого развитие Западной Европы, оставаясь неспешным по масштабу последних двух столетий, ускоряется по отношению к остальному миру. Еще 10–15 лет назад считалось, что ускорение началось на рубеже XV–XVI вв. В своей последней работе один из самых авторитетных экономических историков, А. Мэддисон, предлагает отодвинуть эту историческую веху до X–XI вв.¹⁴

Идет дискуссия о том, насколько Западная Европа конца XVIII в. опережала по своему развитию другие крупные аграрные цивилизации¹⁵. Низкая степень достоверности существующей исторической статистики не позволяет делать однозначные выводы. Однако несомненно, что к этому времени в самых развитых западноевропейских странах – Англии и Голландии – такие показатели, как душевой ВВП, грамотность, доля населения, занятого вне сельского хозяйства, доля городского населения, существенно превышали средний мировой уровень.

¹¹ С. Веддингтон был прав, когда отмечал, что «если бы римлянина периода империи можно было перенести на 18 веков во времени, он оказался бы в обществе, которое без больших трудностей смог бы понять» (*Waddington C. H. The Ethical Animal*. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 15).

¹² См.: *Леценко Н. Ф.* Япония в эпоху Токугава. М.: ИВ РАН, 1999. С. 194. Эпоха сёгуната Токугава – период военного правления феодальной Японии. Сёгунат основан в 1603 г. Токугава Иэясу, который завершил объединение Японии и получил титул сёгуна, т. е. человека, реально управляющего страной (в отличие от императора). Стал основателем династии сёгунов, просуществовавшей до 1868 г. – *Прим. ред.*

¹³ Империя Сун существовала в Китае с 960 по 1279 г. Правящая династия – Чжао. Ее основание положило конец раздробленности Китая после падения династии Тан в 907 г., хотя границы нового государства не были восстановлены полностью по сравнению с предшествующими. Для этого периода характерен бурный интеллектуальный подъем. – *Прим. ред.*

¹⁴ *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001. P. 51–52. Один из аргументов в пользу предположения об ускорении экономического роста Западной Европы уже в XI в. – заметный рост доли городского населения в ее ведущих странах. За несколько столетий она повышается с характерных для аграрных государств 10–15 % до трети (Англия, середина XVIII в.). Кроме того, в 1500–1800 гг. урожайность зерновых по основным регионам Западной Европы увеличилась в 1,5–2 раза.

¹⁵ П. Байрох в своей работе доказывает, что к 1800 г. Китай по душевому ВВП опережал Европу, а Япония и остальная Азия отставали от европейского уровня лишь на 5 % (*Bairoch P. New Estimates on Agricultural Productivity and Yields of Developed Countries, 1800–1990* // *Bhaduri A., Skarstein R. (eds). Economic Development and Agricultural Productivity*. Cheltenham, 1997. P. 45–64).

Как бы мы ни оценивали динамику западноевропейского развития в эту эпоху, люди, жившие тогда даже в самой динамичной стране – Англии, в своей повседневной жизни вряд ли замечали происходившие в ней перемены. Характерно, что в середине XVIII в. в экономических спорах мелькали оценки важнейших показателей английской экономики, сделанные В. Петти и Г. Кингом за полвека до этого, словно они были способны отразить новые реалии¹⁶. Подавляющая часть мирового населения жила в условиях стабильного, медленно меняющегося аграрного общества, там же производилась большая часть мирового ВВП. В начале XIX в. валовой внутренний продукт Индии и Китая – крупнейших аграрных цивилизаций двух предшествующих тысячелетий – более чем втрое превосходил ВВП Западной Европы.

1.2. Современный экономический рост: понятие и основные черты

На рубеже XVIII–XIX вв. в Западной Европе начались масштабные социально-экономические перемены, особенно заметные в контрасте со стабильностью и устойчивостью предшествующих тысячелетий. Этот процесс получил – по традиции, идущей от С. Кузнеца, – не слишком удачное, но укоренившееся название «современный экономический рост»¹⁷. Под современным экономическим ростом он понимал существенный, длительный и устойчивый рост производства валового общественного продукта (в расчете на душу населения) на фоне глубоких и быстрых изменений в жизни общества – материальных, социальных и духовных, которые и стимулировали повышение эффективности экономики¹⁸. «В ходе анализа, основанного на условных измерениях национального продукта и его компонентов: населения, рабочей силы и т. п., – пишет С. Кузнец, – родились шесть характеристик современного экономического роста. Первая и наиболее очевидная – это высокие темпы роста подушевого продукта и населения в развитых странах, многократно превосходящие соответствующие показатели в остальном мире. Вторая характеристика – темпы роста производительности труда, или выход продукции на единицу затрат. Даже когда к труду как основному производительному фактору мы добавляем другие факторы, опять-таки темпы роста оказываются многократно превосходящими соответствующие показатели, наблюдавшиеся в прошлом. Третья характеристика – высокие темпы структурной трансформации экономики. Важнейшие аспекты структурных изменений включают: сдвиг от сельского хозяйства в пользу несельскохозяйственных профессий, а в недавнем прошлом – от промышленности в сторону сектора услуг; изменение в шкале производственных единиц и соответствующий сдвиг от частного предприятия в сторону общественной организации хозяйствующих компаний с соответствующими глубокими изменениями в профессиональном статусе труда. К этому можно прибавить сдвиги в некоторых других аспектах экономической структуры (в структуре потребления, в соответствующих пропорциях внутренних и внешних поставок и т. д.). Четвертая характеристика – это стремительные изменения в тесно взаимосвязанных и крайне важных структурах общества и его идеологии. На ум немедленно приходят урбанизация и секуляризация как компоненты того, что социологи определяют как процесс модернизации. Пятая характеристика: при возросших возможностях технологий, в частности в сфере транспорта и коммуникаций (как мирных, так и военного назначения), экономически развитые страны стремятся распространить свое влияние на весь остальной мир, таким образом делая его единым в том смысле, в каком это не было возможно ни в какую из предшествующих современной эпох. Шестая характеристика: распространение

¹⁶ *Phillis D.* The First Industrial Revolution. Second ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. P. 11.

¹⁷ *Kuznets S.* Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven; London: Yale University Press, 1966.

¹⁸ *Kuznets S.* Modern Economic Growth: Findings and Reflections // The American Economic Review. Vol. 63. Issue 3. June 1973. P. 248, 249.

современного экономического роста, несмотря на его частные эффекты, проявляющиеся в общемировом масштабе, ограничено тем, что уровень экономического производства в странах, где проживает $\frac{3}{4}$ мирового населения, по-прежнему не дотягивает до минимального уровня, который возможен при современных технологиях»¹⁹.

Современный экономический рост разительно отличается от наблюдавшихся прежде эпизодических подъемов производства в аграрных обществах существенно более высокими темпами роста производства, которые значительно опережают увеличение численности населения, а также своей протяженностью во времени.

Сам С. Кузнец относил начало современного экономического роста к середине XVIII в.²⁰, его последователи – к 1820-м гг. XIX в., после Наполеоновских войн в Европе²¹.

ТАБЛИЦА 1.2

Среднегодовые темпы роста ВВП²² в Западной Европе и в мире в целом с 1000 по 1998 г. по периодам, %

	Годы		
	1000–1820	1820–1913	1913–1998
Мир в целом	0,2	1,5	3,1
Западная Европа	0,3	1,9	2,4

Впрочем, расхождения не принципиальны. Важнее то, что на грани XVIII–XIX вв. сначала в самых развитых странах Европы, затем в Западной Европе в целом, а за ней и во все более расширяющемся круге государств мира начинаются радикальные изменения (табл. 1.2).

Современный экономический рост начинается в Англии, распространяется на Бельгию, Голландию, Францию, немецкие княжества района Рейна, протестантские кантоны Швейца-

¹⁹ См.: *Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. P. 3–8.

²⁰ *Kuznets S. Modern Economic Growth: Findings and Reflections // The American Economic Review*. Vol. 63. Issue 3. June 1973. P. 10.

²¹ А. Мэддисон пишет: «Я... не согласен с Кузнецом относительно времени перехода к тому, что он называет „современным экономическим ростом“ (а я – „капиталистическим развитием“). Данные, которыми мы располагаем сегодня, свидетельствуют о том, что подобный переход состоялся примерно в 1820 г., а не в 1760 г. Работы Крафтса (1983 и 1992 гг.) и других исследователей помогли переосмыслить прежде бытовавшую концепцию о резком взлете Англии во второй половине XVIII в. Исследования последних лет (в области истории экономики Нидерландов. – Е. Г.) доказали, что в конце XVIII в. доходы там были выше, чем в Соединенном Королевстве. Работы в сфере количественной истории других западноевропейских стран, увидевшие свет в последние два десятилетия, дают еще больше оснований, чтобы отодвинуть переход дальше в глубь времен и изменить прежний упор на британскую исключительность» (*Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001. P. 45). Есть и другая точка зрения: Р. Фогель считает, что в Англии современный экономический рост начался раньше, чем полагал С. Кузнец, – в первые десятилетия XVIII в. (*Fogel R. W. Simon S. Kuznets*. April 30, 1901 – July 9, 1985. NBER Working Paper 7787. P. 23). П. Байрох обращает внимание на трудности, связанные с определением начала современного экономического роста. Принципиальная проблема здесь – что брать за точку отсчета: развитие событий в подавляющем большинстве стран мира или положение в странах-лидерах. К 1800 г. 99 % населения мира не было затронуто изменениями, связанными с индустриализацией. Но в Великобритании рост промышленности и связанные с ним изменения в социальной структуре уже достигли серьезного масштаба (*Bairoch P. How and Not Why: Economic Inequalities Between 1800 and 1913: Some Background Figures // Baton F. (ed.) Between Development and Underdevelopment. The Precocious Attempts at Industrialization of the Periphery, 1800–1870*. Geneva: Librairie Droz, 1991). К вопросу о начале современного экономического роста см. также: *Crafts N. F. R. Patterns of Development in Nineteenth Century Europe // Oxford Economic Papers*. Vol. 36. P. 438–458; *Ashton T. S. The Industrial Revolution 1760–1830*. Oxford: Oxford University Press, 1948; *Idem*. *An Economic History of England: the 18th Century*. London: Methuen & Co. LTD, 1955; *Deane P., Cole W. A. British Economic Growth 1688–1959: Trends and Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1962; *Wrigley E. A. Poverty, Progress and Population*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

²² Рассчитано как среднее геометрическое за рассматриваемый период. Источник: *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001. P. 262.

рии, Каталонию, Богемию, а в 1830-х годах – на Австрию и Соединенные Штаты. В странах Скандинавии он начинается в середине XIX в., в России – в 80-х годах XIX в.²³

В первые десятилетия XIX в. вызов радикально меняющейся и усиливающейся Англии, а затем и всей Западной Европы, необходимость для каждой страны адаптировать свою национальную стратегию к этому вызову становятся важнейшим фактором в мировом развитии.

Характерная черта современного экономического роста – появление новых технологий, использующих последние достижения науки. Именно это становится важнейшим механизмом долгосрочного ускорения экономического роста, базой глубоких структурных изменений сначала в Западной Европе, а затем и в мире. Средние темпы роста производительности труда в странах, входящих сегодня в ОЭСР, в период между 1820 и 1913 гг. примерно в 7 раз выше, чем в предшествующее столетие. За тот же период душевой ВВП в них увеличился более чем втрое, доля занятых в сельском хозяйстве сократилась на 2/3. Объем мировой торговли вырос в 30 раз.

Сформировались глобальная экономика и глобальная финансовая система²⁴.

Долгое время анализ современного экономического роста осложнялся его смешением с капитализмом²⁵ – специфической формой организации производственных и общественных отношений, которые сложились в Западной Европе в XVI–XVIII вв.²⁶

Дать определение термина «капитализм» сегодня труднее, чем в конце XIX – начале XX в., когда он получил широкое распространение. Слишком много радикальных изменений в структуре социально-экономических отношений, описываемых этим словом, произошло за последнее столетие. Но термин укоренился, уйти от его использования невозможно. Автор понимает под ним примерно то же, что и те, кто использовал его в XIX в., – специфический набор характерных для Северо-Западной Европы, затем для Западной Европы институтов, предполагающих определенную, гарантированную законом и традицией частную собственность, широкое распространение производства, ориентированного на рынок, конкуренцию, определенную, не оставляющую власти возможности произвольных решений налоговую систему²⁷. Многие черты социально-экономической структуры и организации общества

²³ Reynolds L. G. Economic Growth in the Third World, 1850–1980. London: Yale University Press, 1985. P. 31.

²⁴ Adelman I. The Genesis of the Current Global Economic System. <http://are.berkeley.edu/~adelman/KEYNOTE.html>. P. 1, 2.

²⁵ «Прежде всего некоторые процессы, протекавшие между XV и XVIII вв., нуждаются в особом названии. Присмотревшись к ним, убеждаешься, что простое отнесение их к рыночной экономике в обычном понимании граничит с абсурдом. Слово же, которое при этом само приходит на ум, – это *капитализм*. В раздражении вы гоните его в дверь – оно тут же возвращается в окно. Ибо вы не находите для него адекватной замены – и это симптоматично. Как сказал один американский экономист, лучшим доводом за использование слова *капитализм*, как бы его ни порочили, является тот факт, что не найдено ничего другого, чтобы его заменить... Я склонен усматривать, с некоторой долей произвола, разумеется, что его реальное вхождение в современный язык связано с появлением в 1902 году широко известной книги Вернера Зомбарта „Современный капитализм“ („Der moderne Kapitalismus“)» (см.: Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 50, 51). К. Маркс, разумеется, был автором концепции, в рамках которой основные черты устройства современного ему общества описывались как «капитализм», но сам он употреблял это слово редко. В этом нетрудно убедиться, посмотрев на слово «капитализм» в предметном указателе Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса: Т. 8. С. 120; Т. 13. С. 7, 8; Т. 19. С. 386, 413, 419; Т. 23. С. 10, 91, 180, 229, 372, 611, 727, 759; Т. 24. С. 43, 44, 65; Т. 25. С. 142, 380–382, 385; Т. 29. С. 258.

²⁶ В этом корень многих недоразумений, которые возникают в экономико-исторических исследованиях, относящихся к XVI–XVIII вв., когда общество в Западной Европе уже явно приобретает черты, существенно отличающие его от традиционных аграрных цивилизаций, но индустриализация, урбанизация в масштабе, сопоставимом с тем, что происходило на протяжении последних двух веков, еще не начались. О проблемах, связанных с интерпретацией этого периода, см., например: Sanderson S. K. Social Transformations: a General Theory of Historical Development. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1995. P. 134. О том, что даже квалифицированные историки и сегодня смешивают возникновение капиталистических форм социально-экономической организации, создающих предпосылки современного экономического роста, и сам процесс современного экономического роста со свойственными ему радикальными изменениями всех важнейших параметров, характеризующих организацию жизни общества, см.: Гребнев Л. С. Мавр возвращается? А он и не приходил... // Вопросы экономики. 2004. № 7–8.

²⁷ Де Врис и Дер Вуди следующим образом определяют характерные черты современной (капиталистической) экономики: 1. Свободные рынки товаров и факторов производства. 2. Достаточно высокий уровень производительности сельского хозяйства, позволяющий поддерживать сложные социально-экономические структуры с глубоким разделением труда. 3. Государство, желающее и способное поддерживать права собственности, свободу движения товаров, заключения и выполнения кон-

на протяжении последних двух веков менялись. Но этот набор институциональных установлений, сформировавшихся сначала в городах-государствах Италии, получивший распространение в городах-государствах Северной Европы, затем в Нидерландах, в Англии, далее в Западной Европе и потом по миру, в его фундаментальных чертах остался неизменным ²⁸.

1.3. Структурные изменения в обществе

Капиталистические институты проложили дорогу глубоким структурным изменениям в обществе, которые связаны с современным экономическим ростом²⁹. Как это происходило – тема следующих глав. Но в странах – лидерах современного экономического роста³⁰ предпосылки к нему формируются на несколько поколений раньше, до того как темпы экономического развития радикально ускоряются, а социальная структура общества претерпевает серьезные изменения.

Для аграрных обществ характерны низкие нормы сбережений. Уровень доходов большей части населения не оставляет места для накопления средств и инвестиций. Как правило, доля инвестиций в ВВП не превышает 5 %. У. Ростоу считал важнейшей предпосылкой индустриализации, или, по его терминологии, скачка, повышение доли инвестиций в ВВП с величины меньше 5 до 10 %³¹. Последующие экономико-исторические исследования подтверждают этот вывод. Однако в Англии XVIII–XIX вв. такое повышение доли инвестиций в ВВП растянулось на срок значительно больший, чем представлялось У. Ростоу³². Независимо от времени, которое потребовалось для повышения нормы накопления, в индустриальных обществах она существенно выше, чем в аграрных.

В странах – лидерах современного экономического роста меняется демографическая картина. Происходит снижение смертности. Продолжительность жизни, стабильная на протяжении тысячелетий (за исключением периодов войн и великих эпидемий), увеличивается: в Англии – с 40 лет в начале XIX в. до 46 лет в 1900-м, 69,2 года в 1950-м и 77 лет в 2000 г. соответственно. В странах, где современный экономический рост начался позже, продолжительность жизни увеличивается быстрее. Важнейшим фактором роста средней продолжитель-

трактов и озабоченное условиями жизни своего населения. 4. Уровень технологий организации, позволяющий поддерживать ориентированное на рынок потребление населения (*Vries J. de, Woude A. van der. The First Modern Economy: Success, Failure and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 693*).

²⁸ А. Мэддисон называет весь период развития Западной Европы между 1000 и 1820 гг. протокапиталистическим (*Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. P. 45*).

²⁹ Сами по себе капиталистические институты не давали гарантии перехода к современному экономическому росту. Опыт Голландии – наиболее развитой страны Европы XVII–XVIII вв., сформировавшей их, но не сумевшей обеспечить функционирование механизма динамичного экономического развития, индустриализации в XVII–XVIII вв., – наглядное тому свидетельство (*Mokyr J. Editor's Introduction: the New Economic History and the Industrial Revolution // Mokyr J. (ed.). The British Industrial Revolution: An Economic Perspective. Boulder: Westview Press, 1993. P. 131, 119, 120; Vries J. de, Woude A. van der. The First Modern Economy: Success, Failure and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815. P. 693; Wrigley E. A. Poverty, Progress and Population. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 58–63*).

³⁰ Под странами – лидерами современного экономического роста автор понимает те государства, которые по уровню душевого валового внутреннего продукта отстают от страны, имеющей максимальные показатели по этому параметру, не более чем на одно поколение (25 лет). Скажем, в 1870 г. уровень душевого ВВП Великобритании составлял 3263 долл. США достигли сходного показателя в 1881 г. Австралия (тогда колония Великобритании) уже в 1870 г. имела уровень душевого ВВП, превышающий английский. Бельгия вышла на сходный уровень ВВП в 1890 г., Нидерланды – в 1885 г., Новая Зеландия – в 1880 г. Применительно к концу XIX в. это и есть страны, которые можно включить в круг лидеров. Страны догоняющего развития – это те, которые по уровню душевого ВВП отстают от лидеров на дистанцию, превышающую поколение. Очевидное исключение здесь – небольшие и крайне богатые ресурсами страны, душевой ВВП которых может существенно превышать другие показатели, характеризующие уровень развития: структуру занятости, расселения, уровень образования и т. д.

³¹ *Rostow W. W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 8.*

³² О доле капитальных вложений в ВВП Англии во время индустриализации см.: *Crafts N. F. R. British Industrialization in an International Context // The Journal of Interdisciplinary History. Vol. XIX. N 3. Winter 1989, а также: Williamson J. G. Debating the British Industrial Revolution // Explorations in Economic History. Vol. 24. 1987. P. 269–292.*

ности жизни становится снижение младенческой смертности, свидетельствующее о прогрессе в здравоохранении (табл. 1.3). На этом фоне радикально ускоряются темпы роста мирового населения (табл. 1.4).

В аграрных обществах подобное (хотя и не столь резкое) ускорение роста народонаселения прерывалось масштабными катастрофами. Наиболее характерный пример – великая эпидемия чумы середины XIV в. в Западной Европе (табл. 1.5).

С началом современного экономического роста в Западной Европе угроза демографических катастроф, вызванных голодом и эпидемиями, отступает. Резкое ускорение роста мирового населения идет на фоне беспрецедентного повышения душевого производства и потребления (табл. 1.6).

Радикальные изменения происходят и в занятости. Как уже говорилось, еще в начале XIX в. подавляющая часть мирового населения (85–90 %) была занята в сельском хозяйстве. К концу XX в. уже меньше половины. В странах – лидерах современного экономического роста перемены еще резче. В большинстве стран Западной Европы доля работающих в сельскохозяйственном производстве сократилась к концу XX в. до 3–4 %.

До середины XX в. быстро росла доля занятых в промышленности. Именно поэтому в конце XIX – первой половине XX в. современный экономический рост было принято отождествлять с индустриализацией. С середины XX в. тенденция меняется. Наиболее развитые страны вступают в постиндустриальную стадию развития³³. На фоне продолжающегося снижения числа работающих в сельском хозяйстве в наиболее развитых странах доля занятых в промышленности начинает быстро сокращаться, динамично растет численность работников в сфере услуг (табл. 1.7).

Перемены в занятости неразрывно связаны с изменением структуры расселения. В аграрном обществе доминировала деревня, городов было немного. Такое расселение уходит в прошлое, городской образ жизни становится преобладающим (табл. 1.8), причем в большинстве стран мира этот переход происходит буквально на наших глазах. Прогноз ООН говорит о том, что к 2025 году на планете практически не останется государств с долей городского населения ниже 25 %, а среднемировой уровень уже далеко шагнет за 50 %-й рубеж. Еще полвека назад в городах жило менее трети населения мира.

Одно из проявлений непредсказуемости современного экономического роста – поворот вспять у некоторых стран-лидеров тенденции к урбанизации, важнейшей его черты на протяжении XIX – первой половины XX в. С середины 1960-х годов в наиболее развитых странах проявляется тенденция к дезурбанизации, сокращению доли населения, проживающего в крупных городах³⁴.

В аграрных обществах подавляющая часть населения неграмотна. С современным экономическим ростом не только широко распространяется грамотность – сначала в Западной Европе, а потом и в других частях мира, но и быстро увеличивается продолжительность обу-

³³ «Постиндустриальное общество определяется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во всеобщей степени стало зависеть от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов» (*Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. Vol. 7. 1967. P. 102*).

³⁴ Природа этого процесса пока изучена мало. Одним из факторов, способствующих ему, по всей видимости, является рост экологических притязаний населения, характерный для постиндустриальных стран (см.: *Лопатников Д. Л. Постиндустриализм и экологическая перспектива. М.: АБФ, 2003. С. 148–171*). Другой фактор, отмеченный американскими авторами, – кризис систем школьного образования в городах (*Berry B. J. L. The Counter Urbanization Process: Urban America Since 1970 // Berry B. J. L. (ed.) Urbanization and Counter Urbanization. London: Sage, 1976; Population Growth, Structure and Distribution. New York: United Nations, 1999. P. 28, 29*).

чения (табл. 1.9). Речь идет о массовом среднем (школьном) образовании, расширении доли тех, кто обучается в высшей школе. (Подробнее об этом см. ниже, в гл. 13.)

ТАБЛИЦА 1.3

Динамика младенческой смертности, число смертей на 1000 детей в возрасте до 1 года

Страна	Год				
	1900 ¹	1925 ¹	1950 ²	1975 ²	2000 ²
Аргентина	148 (1911)*	121	65,9	39,1	20,0
Бразилия	134,7	78,8	38,3
Венгрия	223	168	71,2	26,7	8,7
Вьетнам	158,0	82,5	33,6
Великобритания	154	75	28,5	13,7	5,4
Германия	229	105	50,6	14,9	4,6
Греция	...	90	60,0	25,1	6,3
Египет	...	155	130,0	89,0	37,0
Индия	205 (1911)	174	151,0 (1945)	132,0	72,3
Индонезия	201,2	106,4	39,5
Иран	191,5	106,8	35,9
Испания	204	137	64,0	19,0	5,0
Китай	195,0	52,0	36,5
Мексика	287	216	121,2	56,8	28,2
Пакистан	181,4	132,2	86,5
Польша	...	151 (1927)	95,0	23,0	9,1
Португалия	134 (1910)	132	91,4	30,3	6,1
Россия	252	198	97,5	29,5	16,8
США	100,7 (1915) ³	69,13	27,8	14,1	6,8
Таиланд	110,7	64,3	20,8
Турция	233,0	120,0	38,5
Франция	160	95	52,0	14,0	4,0
Швейцария	150	58	29,0	9,5	4,8
Швеция	99	56	19,7	7,9	3,4
ЮАР	89** (1910)	68**	96,1	72,1	59,2
Япония	...	142	60,0	10,0	3,8

* Здесь и далее в скобках указан год, для которого рассчитан показатель.

** Только для белого населения. Источники:

1. *Mitchell B. R.* International Historical Statistics. Europe 1750–1993. London: Macmillan Reference LTD, 1998.
2. *Mitchell B. R.* International Historical Statistics. Africa, Asia & Oceania 1750–1993. London: Macmillan Reference LTD, 1998.
3. UNPD Database (www.un.org/Depts/unsd/).

ТАБЛИЦА 1.4

Среднегодовые темпы прироста численности населения^{*}, %

	Годы		
	1000–1820	1821–1913	1914–1998
Весь мир	0,17	0,50	1,41
Западная Европа	0,20	0,73	0,47

^{*} Рассчитано как среднее геометрическое за рассматриваемый период.

Источник: *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001. P. 242.

ТАБЛИЦА 1.5

Численность населения в Западной Европе в период с 1000 по 1500 г., млн человек

	Год				
	1000	1200	1300	1400	1500
Численность населения	25	41	58	42	57

Источник: *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001. P. 32.

ТАБЛИЦА 1.6

ВВП на душу населения в мире и в Западной Европе, долл.³⁵

	Год			
	1000	1820	1913	1998
Весь мир	435	667	1510	5709
Западная Европа	400	1232	3473	17 921

Источник: *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001. P. 264.

ТАБЛИЦА 1.7

Структура занятости в главных секторах экономики, %

³⁵ В международных долларах 1990 года.

Год	США	Франция	Германия	Голландия	Великобритания	Япония	Россия
СЕЛЬСКОЕ, ЛЕСНОЕ И РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО							
1820	70,0	37,6
1870	50,0	49,2	49,5	37,0	22,7	70,1	...
1913	27,5	41,1	34,6	26,5	11,7	60,1	70,0
1950	12,9	28,3	22,2	13,9	5,1	48,3	46,0
1992	2,8	5,1	3,1	3,9	2,2	6,4	17,0
2000	2,6	1,3	2,8	...	1,5	5,1	13,0
ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ И ГОРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, СТРОИТЕЛЬСТВО И ОБСЛУЖИВАНИЕ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА							
1820	15,0	32,9
1870	24,4	27,8	28,7	29,0	42,3
1913	29,7	32,3	41,1	33,8	44,1	17,5	...
1950	33,6	34,9	43,0	40,2	44,9	22,6	29,0
1992	23,3	28,1	37,3	24,3	26,2	34,6	36,0
2000	23,2	24,7	34,5	...	25,4	31,4	31,0
СФЕРА УСЛУГ							
1820	15,0	29,5
1870	25,6	23,0	21,8	34,0	35,0
1913	42,8	26,6	24,3	39,7	44,2	22,4	...
1950	53,5	36,8	34,8	45,9	50,0	29,1	25,0
1992	74,0	66,8	59,1	71,8	71,6	59,0	47,0
2000	74,3	74,0	62,6	...	72,8	63,5	56,0

Источники: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995. P. 39; *World Development Indicators 2003*, World Bank; *United Nations Common Database* (www.un.org/Depts/unsd/); *Россия в цифрах. 2003: Краткий статистический сборник*. М.: Госкомстат России, 2003.

ТАБЛИЦА 1.8

Доля городского населения, %

	Год						
Страна	1800 ¹	1850 ¹	1900 ¹	1930 ¹	1950 ²	1975 ²	2000 ²
Аргентина	65,3	80,7	89,9
Бразилия	36,5	61,8	81,3
Великобритания	23	45	75 (1910)	...	84,2	88,7	89,5
Вьетнам	6–9	6–9	11,6	18,8	19,7
Венгрия	39,3	52,8	64,0
Германия	9	15	49	...	71,9	81,2	87,5
Греция	37,3	55,3	60,1
Египет	31,9	43,5	45,2
Индия	9–11	10–12	17,3	21,3	28,4
Индонезия	5–8	8–10	12,4	19,4	40,9
Иран	12–15	14–17	27,0	45,8	61,6
Испания	18	18	38	...	51,9	69,6	77,6
Китай	7–9	10–12	12,5	17,4	32,1
Мексика	42,7	62,8	74,4
Пакистан	17,5	26,4	37,0
Польша	38,7	55,4	65,6
Португалия	16	16	16 (1910)	...	19,2	27,7	64,4
Россия	6	7	14 (1910)	20	44,7	66,4	77,7
США	5	14	42 (1910)	56,1 ³	64,2	73,7	77,2
Таиланд	8–10	9–11	10,5	15,1	21,6
Турция	15–18	14–17	21,3	41,6	75,3
Франция	12	19	38 (1910)	...	56,2	73,0	75,6
Швейцария	7	12	33 (1910)	...	44,3	55,7	67,7
Швеция	7	7	23 (1910)	...	65,8	82,7	83,3
ЮАР	43,1	48,0	50,4
Япония	14	15	18 (1910)	24	50,3	75,7	78,8

Источники:

1. *Bairoch P.* Cities and Economic Development: From the Dawn of History to the Present. Chicago: The University of Chicago Press, 1988.
2. United Nations Common Database (www.un.org/Depts/unsd/).
3. *Engerman S. L., Gallman R. E.* The Cambridge Economic History of the United States. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

ТАБЛИЦА 1.9

Средняя продолжительность обучения, количество лет

Страна	1820	1870	1913	1950	1973	1992	2001 (2002)
Великобритания	2,0	4,4	8,8	10,6	11,7	14,1	16
Германия	8,4	10,4	11,6	12,2	15
Италия	5,5	7,6	11,2	15
Испания	5,1	6,3	11,5	15
США	1,8	3,9	7,9	11,3	14,6	18,0	15
Франция	7,0	9,6	12,0	...	15
Швеция	9,5	10,4	14,2	17
Япония	1,5	1,5	5,4	9,1	12,1	14,9	14

Источники: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995; World Bank Database (<http://devdata.worldbank.org/edstats>); UNESCO database (www.unesco.org); *Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run*. Paris: OECD, 1998.

Вслед за переменами в занятости и расселении людей трансформируются нормы демографического поведения, структура семьи. В аграрных обществах работа женщин вне домашнего или крестьянского хозяйства была редкостью. В XIX в. и особенно в XX в. она получает массовое распространение. К концу XX в. примерно половину рабочей силы в развитых странах – лидерах современного экономического роста составляли женщины. Сокращается рождаемость. В XVIII в. на одну женщину в Западной Европе приходилось примерно 5 рождений (в России в конце XIX в. – 7,1), к концу 2-го тысячелетия этот показатель опускается в Западной Европе ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения. После демографического взрыва и быстрого увеличения европейского населения на ранних этапах современного экономического роста темпы роста населения резко замедляются. В некоторых странах-лидерах численность коренных жителей начинает сокращаться.

Для аграрных стран характерны государственные изъятия в пределах 10 % ВВП. Случалось, что правители пытались увеличить налоговое бремя сверх этого предела. Как правило, такие попытки приводили к подрыву налоговой базы, бегству крестьян с земли, распространению бандитизма, крестьянским восстаниям. (Подробнее см. ниже, в гл. 4 и 11.) Современный экономический рост, повысивший уровень жизни и технологические возможности государства, позволяет радикально увеличить государственную нагрузку на экономику. Налоговые изъятия в странах — лидерах современного экономического роста достигают 30–50 % ВВП. Раньше не менее половины государственных расходов составляли затраты на военные нужды. На протяжении последних двух веков их доля падает. Как правило (если исключить периоды мировых войн), в бюджетах расширенного правительства развитых стран они не превышают 5–10 %. Доля государственных расходов на социальные нужды (пенсионная система, образование, здравоохранение, пособия по безработице и т. д.) растет.

ТАБЛИЦА 1.10

Годовые (средние за период) темпы роста мировой торговли и мирового ВВП, %

	Годы			
	1870–1913	1914–1950	1951–1973	1974–2000
Мировой ВВП	2,1	1,9	4,9	3,1
Мировой экспорт	3,3	0,9	7,6	5,3

Источники: *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001 (с 1870 по 1998 г.); *World Development Indicators 2003*, World Bank (за 1999, 2000 гг.).

В начале XIX в. роль международной торговли в мировой экономике была ограниченной: ее объем не превышал 1 % суммарного ВВП стран мира. Международные рынки капитала охватывали наиболее развитые страны Западной Европы, но их влияние на мировую экономику оставалось ничтожным. На протяжении последних двух веков мировая торговля по темпам роста опережала мировой ВВП, а ее доля в нем к 2000 г. составила 26 % ³⁶ (табл. 1.10). Подавляющая часть мирового ВВП производится сегодня в странах, интегрированных в глобальный рынок капитала.

Параллельно изменениям в производстве, расселении, уровне жизни, образовании, организации семейной жизни трансформируются политические институты. К началу XIX в. доминирующий тип политической организации – традиционная монархия. Лишь в редких случаях, в основном в странах, где формировались предпосылки современного экономического роста, конституционная монархия дополнена институтами, представляющими интересы граждан ³⁷. В начале XXI в. развитые страны в подавляющем большинстве – демократии, в основе политического устройства которых лежит всеобщее избирательное право.

Сами изменения, вызванные современным экономическим ростом, предъявляют новые требования к социально-экономическим и политическим институтам. Если для аграрного общества, в котором организация экономики и уклад жизни не изменялись тысячелетиями, важнее всего было поддерживать стабильность, сохранять традиции, то для периода современного экономического роста главное – институциональная гибкость, способность генерировать и использовать инновации, позволяющие адаптироваться к условиям быстро меняющегося мира.

1.4. Национальные траектории современного экономического роста

Начавшись в Англии, распространившись затем на Соединенные Штаты Америки, континентальную Западную Европу, другие части мира, современный экономический рост оказывает влияние на все государства. Они столкнулись с усилением экономической, финансовой и военной мощи стран, где процесс индустриализации начался. Элиты стран, отстававших в развитии, знали о возможности заимствования накопленных странами-лидерами знаний и производственных навыков. Для адаптации к изменившемуся миру необходимо было вырабатывать национальные стратегии. Там, где культурные традиции и институциональная история аграрных обществ были близки к сформировавшимся в Англии, США, Франции, Германии, социально-экономическое развитие пошло по траектории, во многом повторяющей английскую, но, как правило, с более активным использованием протекционистских мер, с заметным вмеша-

³⁶ База данных Всемирного банка. <https://publications.worldbank.org/subscriptions/WDI/>.

³⁷ Очевидное, но к этому времени малозначимое исключение – США после Войны за независимость.

тельством государства в экономическое развитие. Страны, где в условиях аграрного общества традиции существенно отличались от европейских, адаптировались к реалиям современного экономического роста с большим трудом.

Яркий пример – Китай, на протяжении двух тысячелетий занимавший первое и второе место на планете по масштабу экономической деятельности. Этой стране с ее приверженностью традициям и стабильности, самодостаточной культурой и убежденностью в своем центральном месте в мире потребовалось полтора века, чтобы приспособиться к вызовам изменившейся реальности, запустить механизмы современного экономического роста. Произошло это лишь после десятилетий смут и гражданских войн, унесших десятки миллионов жизней. Сейчас внимание политиков и экономистов приковано к высоким темпам развития Китая последней четверти XX в. Но не надо забывать, что и сегодня доля Китая в мировом ВВП почти втрое ниже, чем в 1820 г.

При всех различиях, унаследованных от традиционного аграрного общества, страны, сумевшие создать предпосылки ускоренного экономического развития, демонстрируют схожие изменения важнейших параметров, определяющих социальноэкономическую структуру общества. Зная один из них – размер душевого ВВП, можно с высокой вероятностью определить структуру занятости, особенности расселения, уровень грамотности, среднюю длительность обучения, государственную нагрузку на экономику и даже характер политического режима.

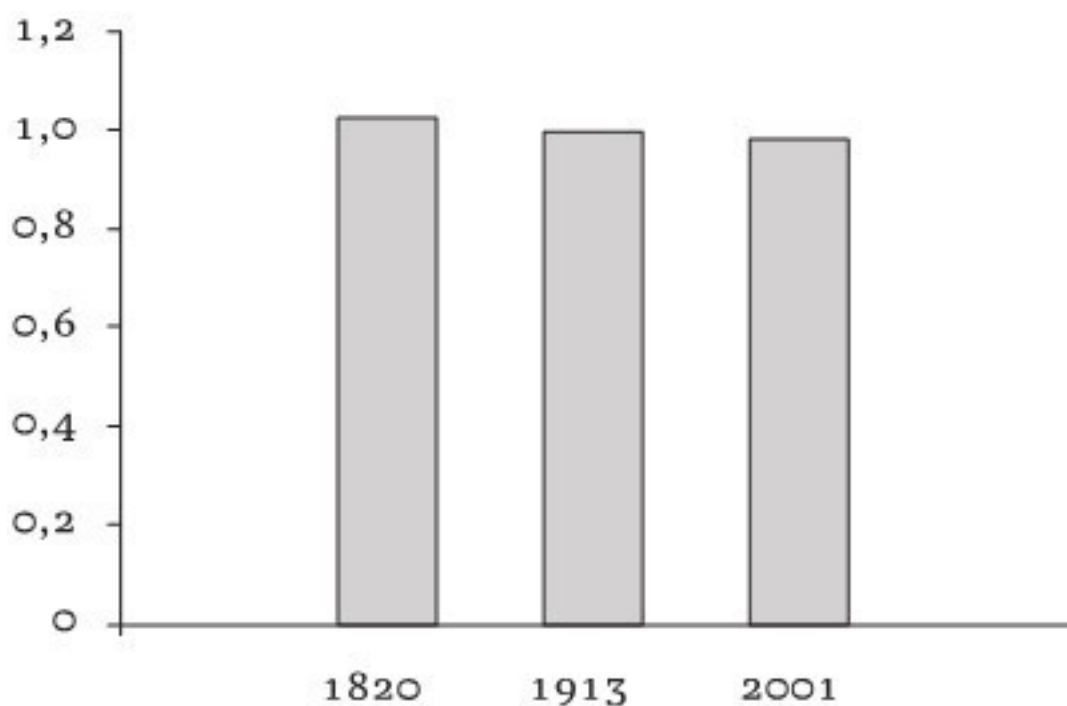
Взаимосвязь подобных показателей не жесткая. Есть демократии, которые сложились на необычно ранних стадиях развития общества, например Индия. Существуют государства, где высокий уровень душевого ВВП объясняется богатством природных ресурсов; они, как правило, по показателям социального развития отстают от других государств с аналогичным уровнем душевого ВВП. Цивилизационные установки, унаследованные от аграрных обществ, темпы снижения рождаемости влияют на характеристики демографического перехода. Тем не менее взаимосвязи между важнейшими социально-экономическими параметрами на различных стадиях современного экономического роста дают исследователям, изучающим долгосрочные проблемы социально-экономического развития, ценные инструменты анализа.

1.5. Эволюция России на фоне мирового развития двух последних столетий

В XIX в., с началом современного экономического роста в Западной Европе, Россия стала отставать в экономической, финансовой и военной мощи от ведущих европейских держав.

Поражение в Крымской войне, обнажившее это отставание, поставило российскую элиту перед необходимостью приступить к созданию новой национальной модели развития. Специфика российской национальной стратегии в условиях современного экономического роста – тема гл. 8 настоящей книги. Здесь отметим лишь очевидное ускорение развития страны в начале 80-х годов XIX в. Именно к этому времени такой проницательный исследователь экономической истории, как А. Гершенкрон, относит начало индустриализации (современного экономического роста – в терминах С. Кузнецца) в России ³⁸.

³⁸ *Gershenkron A. The Rate of Growth of Industrial Production in Russia Since 1885 // Journal of Economic History. Vol. 7 (Supplement). 1947. Такого же мнения придерживался У. Ростов (Rostow W. W. (ed.) The Economics of Take-Off into Sustained Growth. New York: St. Martin's Press, 1963. P. 152–154).*

Источники: *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001 (за 1820 и 1913 гг.); Расчеты ИЭПП на основе данных: *Maddison A. The World Economy* (за 2001 г.). Реконструкция данных Всемирного банка на период до 1950 г. дает сходные результаты в пределах точности расчетов. Большинство исследователей относит начало современного экономического роста в Западной Европе именно к 1820-м гг. XIX в., 1913 г. – высшая точка развития Российской империи, 2001 г. – последний, за который есть надежные данные.

РИС. 1.1. Отношение душевого ВВП России к мировому в 1820–2001 гг.

Рассматривая эволюцию российской экономики на фоне мирового развития последних двух столетий, можно убедиться, что российский душевой ВВП в 1820 году был близок к средним мировым показателям и (с поправкой на точность расчетов) оставался примерно на среднемировом уровне и в 1913-м, и в 2001 году (рис. 1.1).

Время от времени российский душевой ВВП отклонялся от среднемирового, но эти отклонения были невелики. Дистанция, отделявшая Россию от стран – лидеров мирового экономического развития (в XIX в. – от Англии, в XX в. – от США), в течение этих двух столетий колебалась, но в достаточно узком интервале (табл. 1.11) ³⁹.

ТАБЛИЦА 1.11

³⁹ О темпах роста российской экономики в первые десятилетия современного экономического роста, сходных с темпами роста стран-лидеров, см.: *Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки* / Пер. с англ. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. М.: РОССПЭН, 2003. С. 24; *Bairoch P. Niveaux de développement économique de 1810 à 1910 // Annales: Économies, Sociétés, Civilisations*, 20e année. 1965. N. 6. P. 1091–1118; *Прокопович С. Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 годах*. М., 1918. В России в 1888–1913 гг. они уступали темпам роста Соединенных Штатов, Японии и Германии, но опережали соответствующие показатели по Британии и Франции (*Goldsmith R. The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860–1913 // Economic Development and Cultural Change*. Vol. 9 (3). April 1961. P. 441–475). П. Грегори и М. Фалкус пытаются доказать, что темпы роста российской экономики в этот период были несколько выше, чем те, которые были характерны для стран — лидеров современного экономического роста в тот же период (*Gregory P. R. Russian National Income, 1885–1913*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983; *Falkus M. E. The Industrialization of Russia 1700–1914*. London: Macmillan, 1972; *Idem. Russia's National Income, 1913: A Revaluation // Economica*. Vol. 35. February 1968. P. 52–73). Впрочем, неточность исторической социально-экономической статистики конца XIX — начала XX в. вряд ли когда-либо позволит однозначно подвести черту под этой дискуссией. В любом случае очевидно, что темпы роста экономики России на протяжении этих десятилетий находились недалеко от тех, которые были характерны для стран-лидеров.

Динамика текущего соотношения ВВП на душу населения России и душевого ВВП страны – лидера экономического роста

	Великобритания				США
	1870	1913	1950	1990	2002
Отношение	0,32	0,28	0,30	0,34	0,23

Источники: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995 (данные с 1820 по 1950 г.); United Nations Common Database (www.un.org/Depts/unsd/) (данные за 1990–2001 гг.); Вопрос о соотношении душевого ВВП в СССР и Соединенных Штатах из-за различия экономических структур (см. ниже, гл. 9) был предметом долгих дебатов. Всемирный банк в 1980 г. оценивал душевой ВВП СССР на уровне 37 % душевого ВВП США (см.: *Ослунд А. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / Под ред. И. М. Осадчей. М.: Логос, 2003. С. 72*).

Сохраняющаяся многие десятилетия близость российских показателей к среднемировым достойна особого внимания, если учесть, что на протяжении последних двух веков как в мировом экономическом развитии, так и особенно в России (СССР) происходили беспрецедентные перемены и потрясения.

Современный экономический рост – процесс незавершенный, он продолжается; для него характерны быстрые смены доминирующих тенденций. Вот почему сложно использовать выявленные закономерности для прогнозирования развития событий в странах-лидерах, находящихся в авангарде экономического прогресса. Страны, начавшие современный экономический рост в первые десятилетия XIX в., и те государства, где связанные с ним изменения произошли позже, находятся в разном положении ⁴⁰. Опыт первых (лидеров) позволяет вторым (странам догоняющего развития) предвидеть проблемы и тенденции, с которыми они столкнутся в будущем.

Одни исследователи полагают, что процесс глобализации будет развиваться и дальше, другие убеждены в обратном: мир стоит на пороге деглобализации. И те и другие оперируют убедительными доказательствами. Точно определить, какая из сторон в этом споре права, невозможно. Но как бы то ни было, можно уверенно утверждать, что России в следующие 50 лет предстоит столкнуться с проблемами, которые страны – лидеры современного экономического роста решали на протяжении второй половины XX в., на стадии исторического развития, ныне носящей название постиндустриальной.

Сравнив сегодняшние душевые ВВП России и стран – лидеров экономического роста, можно оценить разделяющую нас дистанцию (табл. 1.12).

Точность оценки душевого ВВП, рассчитанного с учетом паритетов покупательной способности, ограничена. Сопоставлять полученные результаты следует с большой осторожностью. Однако данные табл. 1.12 свидетельствуют о том, что Россию от стран-лидеров отделяет сегодня дистанция в 40–60 лет ⁴¹. Наибольшая дистанция (60 лет и более) отделяет нашу страну от Англии и стран переселенческого капитализма (США, Канада, Австралия). Далее следует континентальная Западная Европа (Германия, Франция).

⁴⁰ Есть особая группа стран, начавших современный экономический рост заметно позже лидеров, но сумевших их догнать. Самый яркий пример – Япония, которая практически одновременно с Россией обнаружила тенденцию к ускорению экономического роста и уже к 70-м гг. XX в. сумела войти в группу лидеров.

⁴¹ У. Росту обращал внимание на сходство многих черт социально-экономической структуры СССР середины 50-х гг. XX в. с аналогичными характеристиками США в начале века (*Rostow W. W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 67).

Сравним длительную эволюцию ВВП России и двух стран континентальной Европы. Франция и Германия наилучшим образом подходят для сравнительной оценки, поскольку они, как и Россия, дважды за прошедшее столетие стали аренами мировых войн, которые оказали негативное влияние на развитие всех трех стран. Приведенные данные (табл. 1.13–1.16) показывают, что отставание России от Германии и Франции по душевому ВВП было достаточно стабильным на протяжении примерно полутора веков.

ТАБЛИЦА 1.12

Время достижения странами – лидерами современного экономического роста уровня ВВП на душу населения России в 2001 г.

Страна	Год
США	1935
Австралия	1936
Канада	1941
Новая Зеландия	1948
Англия	1934
Швеция	1944
Германия	1953
Франция	1951
Италия	1959

Источники: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995; Расчеты ИЭПП⁴² на основе данных из: *World Development Report*, World Bank, 2003.

ТАБЛИЦА 1.13

Оценка отставания России по уровню душевого ВВП⁴³ от Германии и Франции, лет

⁴² ИЭПП – Институт экономических проблем переходного периода, директором которого был Е. Т. Гайдар; в наст. вр. – Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара.

⁴³ Здесь и далее ВВП на душу населения: до 1913 г. – по Российской империи в границах СССР; для 1950 г. – по СССР; для 2001 г. – по Российской Федерации. Источники: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995; Расчеты ИЭПП на основе данных из: *World Development Report*, World Bank, 2003.

Страна	Год			
	1870	1913	1950	2001
Франция	≈60	63	46	50
Германия	≈60	63	55	48

ТАБЛИЦА 1.14

Доля городского населения в Германии, Франции и России на сходных уровнях экономического развития, %

Страна	Год (для России/для Германии и Франции)			
	1850/1800	1900/1850	1950/1910	2000/1950
Россия	7	14	44,7	72,9
Германия	9	15	49,0	71,9
Франция	12	19	38,0	56,2

Источники: *Bairoch P. Cities and Economic Development: From the Dawn of History to the Present*. Chicago: The University of Chicago Press, 1988 (1800–1900 гг.); UNPD Database. <http://esa.un.org/unpp> (1950–2000 гг.).

ТАБЛИЦА 1.15

Доля занятых в сельском хозяйстве Германии, Франции и России на сходных уровнях экономического развития, %

Страна	Год (для России/для Германии и Франции)	
	1950/1900	2000/1950
Россия	45,8 (1959)	11,8 ¹
Германия	36,8 (1907)	16,0
Франция	41,4 (1901)	24,1 ²

Источники: *Mitchell B. R. International Historical Statistics. Europe 1750–1993*. London: Macmillan Reference LTD, 1998.

¹ Труд и занятость в России: Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2001.

² Groningen Growth & Development Center Sectoral Database. <http://www.eco.rug.nl/ggdc>.

ТАБЛИЦА 1.16

Доля занятых в промышленности Германии, Франции и России на сходных уровнях экономического развития, %

Страна	Год (для России/для Германии и Франции)	
	1950/1900	2000/1950
Россия	35,4 (1959)*	27,0 ¹
Германия	33,8 (1907)	37,3
Франция	26,5 (1901)	26,8 ²

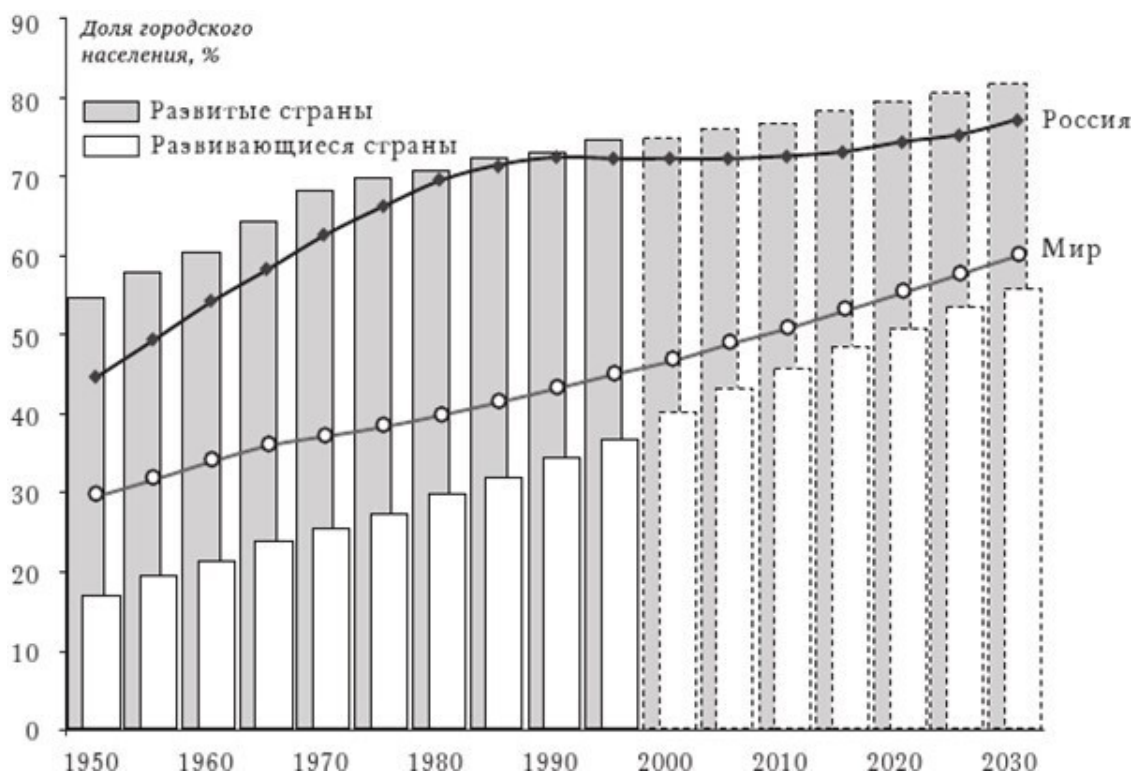
* С учетом занятых в строительстве.

Источники:

Mitchell B. R. International Historical Statistics. Europe 1750–1993. London: Macmillan Reference LTD, 1998.

¹ Труд и занятость в России: Статистический сборник. М.: Госкомстат РОССИИ, 2001.

² Groningen Growth & Development Center Sectoral Database. [http:// www.eco.rug.nl/ggdc](http://www.eco.rug.nl/ggdc).

Источник: UNPD World Urbanization Prospects: The 2001 Revision.

РИС. 1.2. Рост доли городского населения во второй половине XX в. и прогноз ООН до 2030 г., %

Структурные изменения занятости в сельском хозяйстве и промышленности обнаруживают схожие тенденции. Более быстрое сокращение доли занятых в аграрном секторе России связано со специфическими чертами социалистической модели индустриализации: масштабное перераспределение ресурсов из села для финансирования капиталовложений в промышленность создало в СССР мощные стимулы к бегству крестьян в город. Рисунок 1.2 наглядно демонстрирует необычно высокие темпы урбанизации при социализме.

По некоторым показателям отставание России от стран – лидеров современного экономического роста было больше. Так, по числу учащихся на 1000 человек Россия лишь в 1930 году достигла уровня, характерного для Германии 1840-го, Франции 1860-го ⁴⁴.

Мы прослеживаем траектории, по которым развивались страны на протяжении полутора веков – в эпоху глубоких социально-экономических изменений. Для России на этот период выпали две революции (1917–1921 и начала 90-х годов) ⁴⁵, крах двух империй, две мировые и одна гражданская войны, крупнейший в мировой истории социально-экономический эксперимент, который назывался социализмом, и его провал. Как справедливо замечает В. Мельянец, процесс современного роста не линейен, флуктуации – весьма важный и необходимый элемент саморазвития и функционирования открытых, неравновесных биосоциальных систем ⁴⁶. И все же разрыв в уровне развития между Россией и крупнейшими странами континентальной Европы оставался стабильным и, повторим, составлял примерно два поколения (40–50 лет). Начав современный экономический рост в 80-х годах XIX в. – на два поколения позже Западной Европы, Россия почти полтора столетия удерживает сложившуюся дистанцию ⁴⁷. Из этого мог бы следовать вывод, что 50-летний лаг задан. Однако история знает примеры успешного догоняющего роста, например, как отмечалось чуть выше, Японии. Для оценки долгосрочных перспектив России полезно анализировать социально-экономические процессы последнего полувека в странах – лидерах экономического роста и условия для ускорения ее экономического роста.

У. Истерли продемонстрировал уязвимость существующих моделей, которые объясняют различия в темпах экономического развития национальных экономик ⁴⁸. Есть базовые факторы, влияющие, как принято считать, на динамику роста: это доля инвестиций в ВВП, расходы на образование, открытость экономики и т. д. Но всегда найдутся страны, где эти факторы действовали, а роста не было. У. Истерли ввел в научный обиход не очень точное, но любопытное понятие – способность национальных институтов обеспечивать современный экономический рост ⁴⁹. Основываясь на реалиях российского развития последних полутора веков, можно утверждать: российские социально-экономические институты демонстрировали способность поддерживать экономический рост на среднемировом уровне.

Допустим, что существовавшая на протяжении полутора веков дистанция сохранится и дальше. Тогда через 50 лет уровень, и стиль жизни, и структура занятости, и инфраструктура будут в России примерно такими же, как сегодня во Франции или Германии. Это предполагает годовой рост российского душевого ВВП около 2 % – такими же темпами или несколько более высокими развивалась мировая экономика на протяжении последнего века. Однако если российская экономика в течение ближайших десятилетий будет развиваться так же, как в 1999–2004 годах, отставание от лидеров сократится до одного поколения.

Оценка расстояния, отделяющего Россию от стран-лидеров, нужна отнюдь не для привычных манипуляций цифрами роста и прогнозов на их основе. Она позволяет представить, чем наше развитие отличалось в прошлом и, по-видимому, будет отличаться в будущем от

⁴⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 2. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 2000. С. 384.

⁴⁵ Последнюю в зависимости от политического вкуса можно назвать контрреволюцией. Суть дела от этого не изменится.

⁴⁶ Мельянец В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, теория и современность. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 15.

⁴⁷ И это притом, что, как справедливо отмечает Н. Федоренко, «... в течение прошедших ста лет для промышленного производства России была характерна уникальная, не имеющая аналогов в мире неравномерность темпов роста» (см.: Федоренко Н. Россия на рубеже веков. М., 2003. С. 126).

⁴⁸ Easterly E. V. The Elusive Quest for Growth. Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics. Cambridge; Massachusetts; London: The MIT Press, 2000.

⁴⁹ Ibid. P. 278, 279.

развития стран-лидеров, с какими структурными проблемами мы неизбежно столкнемся на следующих этапах экономического роста.

Сохранение на протяжении полутора веков практически неизменной дистанции между Россией и странами – лидерами современного экономического роста по важнейшим показателям социально-экономического развития на фоне крупномасштабных изменений в мире, мировых войн, революций, социальных катастроф отнюдь не гарантирует эту неизменность в будущем. Трудно поручиться, что Россия 2050 года по основным социально-экономическим характеристикам, душевому ВВП, потреблению важнейших товаров и услуг, занятости, продолжительности жизни и т. д. будет близка к Германии и Франции 2000 г. Но трудно утверждать и обратное. Мы говорили о реальной возможности сократить отставание до 25 лет, до одного поколения. Но нельзя исключить и другое. Российское общество может не справиться с важнейшей задачей – выработать оптимальную стратегию своего развития в постиндустриальную эпоху. Российская элита может втянуться в опасные эксперименты. Тогда отставание от лидеров возрастет. Если наше общество проявит политическую волю и мудрость, извлечет уроки из ошибок, допущенных более развитыми странами, дистанция сократится. Глобальное экономическое развитие, на фоне которого нашей стране придется вырабатывать собственную национальную стратегию, не детерминировано, его будущая траектория не очевидна.

Важно понимать: если России удастся обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, то на протяжении следующих полутора веков в стране будут идти процессы, пусть не полностью идентичные тем, что были характерны для стран – лидеров современного экономического роста во второй половине XX в., но сходные с ними. И встающие перед страной проблемы лучше решать не тогда, когда они обострятся до предела, а заблаговременно, имея свободу маневра и необходимые ресурсы.

В XX в. весь мир имел возможность учиться на ошибках России. Крах социалистического эксперимента в нашей стране стал важнейшей прививкой против попыток его повторения. Пора подумать о том, как в XXI в. научиться извлекать уроки из ошибок других.

Все сказанное о значении опыта стран-лидеров для анализа долгосрочных перспектив развития России может показаться тривиальным. И на рубеже XIX и XX вв. стратегические проблемы России рассматривали сквозь призму опыта наиболее развитых стран. К этому опыту апеллировали, сопоставляли с ним российские реалии. В докладной записке царю Николаю II С. Витте сравнивает Россию с развитыми странами Запада по показателям структуры производства и потребления, формулирует меры, которые необходимы, чтобы преодолеть отставание от стран-лидеров⁵⁰. В. Гриневецкий в работе, оказавшей большое влияние на авторов плана ГОЭЛРО, основывает свое видение стратегических проблем развития страны на сравнении топливных балансов России и наиболее развитых государств⁵¹. М. Туган-Барановский рассматривает перспективы развития земельных отношений в России на базе анализа последних тенденций, характерных для землевладения Франции и Германии⁵². П. Струве, проанализировав опыт развитых стран, приходит к выводу, что капитализм в России – единственная возможность для подъема производительных сил страны, считает его могущественным фактором культурного прогресса, фактором, не только разрушающим прошлое, но и создающим⁵³. И те авторы, которые не считали себя ортодоксальными марксистами, оставались в то время под сильным влиянием марксизма с характерными для него представлениями о

⁵⁰ См.: *Витте С. Ю.* Докладная записка Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2–3. С. 131–139.

⁵¹ О сравнительном анализе топливного баланса наиболее развитых стран и России как базе долгосрочной стратегии развития страны после окончания Гражданской войны см.: *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М.: Изд-во Всероссийского центрального союза потребительских обществ, 1922. С. 42–53.

⁵² См.: *Туган-Барановский М. И.* Земельный вопрос на Западе и в России. М., 1917.

⁵³ См.: *Струве П.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1894. С. 288.

«железных законах истории», о том, что более развитые страны демонстрируют отстающим картину их будущего.

Опыт XX в. показал, как осторожно надо обходиться с «железными законами истории», как далеки от действительности бывают прогнозы, которые базируются на, казалось бы, несомненном историческом опыте и характерных для странлидеров тенденциях. Именно это в 50-х годах XX в. послужило поводом для энергичной атаки на саму возможность изучить и выявить исторические закономерности, предпринятой самыми авторитетными мыслителями-либералами того времени – К. Поппером, Ф. Хайеком, И. Берлиным ⁵⁴.

Поэтому, прежде чем дальше анализировать перспективы развития России на основе опыта и проблем, выявившихся в странах-лидерах на протяжении последнего полувека, необходимо обсудить, возможно ли вообще изучать закономерности социально-экономического развития и строить на их основе хотя бы сценарные прогнозы. А для этого стоит проанализировать судьбу учения К. Маркса о законах истории и постараться выяснить, что дал опыт XX в. для понимания закономерностей развития человеческого общества.

⁵⁴ *Berlin I.* Historical Inevitability. London: Oxford University Press, 1959; *Hayek F. A. von.* Studies in Philosophy, Politics and Economics. London: Routledge & Kegan Paul, 1967; *Hayek F. A. von.* The Road to Serfdom. Chicago: University of Chicago Press, 1945; *Hayek F. A. von.* The Counter-revolution of Science: Studies of the Abuse of Reason. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952; *Popper K. R.* The Poverty of Historicism. London: Routledge & Kegan Paul, 1961; *Popper K. R.* Conjectures and Refutations: The growth of Scientific Knowledge. London: Routledge & Kegan Paul, 1963; *Popper K. R.* The Open Society and Its Enemies. Vol. 1–2. London: Routledge & Kegan Paul, 1957.

Глава 2

Экономический детерминизм и опыт XX века

Маркс фактически создал новую экуменическую организацию, некую антицерковь с полным концептуальным аппаратом, способным, по крайней мере в теории, дать ответы на все возникающие вопросы – общие и частные, исторические и натуралистические, моральные и эстетические.

Исайя Берлин ⁵⁵

Пожалуй, никто из мыслителей, занимавшихся проблемами общественного развития, не оказал такого влияния на исторические процессы в мире последних полутора веков, как К. Маркс. И сегодня в научной литературе на него ссылаются в 5–10 раз чаще, чем на самого цитируемого либерального экономиста в истории – А. Смита. С тиражами сочинений К. Маркса, его последователей сопоставимы разве что тиражи Библии ⁵⁶.

На протяжении почти века марксизм был в России господствующей идеологией, используемой для осмысления развития страны и мира ⁵⁷. Он продолжает влиять на общественное сознание и сегодня. В подавляющем большинстве советские люди не имели доступа к иному социальному образованию, кроме вульгаризированного марксистского. Одна из главных его догм состояла в том, что крах капитализма и торжество социализма неизбежны. Двадцатый век показал ее ошибочность. В нынешней России общественное сознание потеряло точку опоры.

При обсуждении происходящего в мире доминируют малосистемные апелляции к немарксистским социальным теориям, перемешанные с набором клише из исторического материализма и политэкономии Маркса.

Главное в марксизме – метод исторического анализа, представление о производительных силах как о важнейшем факторе, который по мере общественного развития модифицирует структуру производственных отношений и само общество. Вот несколько краеугольных камней марксистской теории: производственные отношения, в свою очередь, могут оказать влияние на развитие производительных сил; более развитая страна показывает менее развитой картину ее будущего; общественные формации закономерно сменяют друг друга; революции необходимы и неизбежны при смене общественных формаций; классовая борьба – важнейшая составляющая общественной жизни и процесса общественных изменений. Философия истории в марксистском понимании не только метод изучения прошлого, но и способ анализа тенденций развития отдельных стран и всего мира. Он основан на формулировании детерминантов, определяющих изменение организации общественной жизни, закономерностей, вытекающих из самого факта наличия этих детерминантов.

⁵⁵ Сэр Исайя Берлин (1909–1997) – английский философ, один из наиболее выдающихся либеральных мыслителей XX в. Родился в России (г. Рига). Историк философских идей в Европе, переводчик русской литературы и философской мысли. В 1957 г. возведен в рыцарское звание. С 1974 по 1978 г. был президентом Британской академии. – *Прим. ред.*

⁵⁶ Данная глава – результат совместной работы с одним из единомышленников автора – В. Мау. Подробнее взгляды на эту тему изложены в: Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» // Вопросы экономики. 2004. № 5–6.

⁵⁷ «Нигде идеи Маркса не были так быстро реципированы, как в России, не только публицистикой, но и так называемой научной литературой» (Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1894. С. 43–44).

2.1. Исторические условия возникновения марксизма

Для понимания сути и места марксизма в интеллектуальном развитии человечества, его возможности влиять на современный общественный анализ необходимо принять во внимание особенности эпохи, в которой формировались основы этой доктрины.

В XVIII–XIX вв. Англия, а затем и Западная Европа в целом вступают в эпоху быстрых и очевидных изменений в экономике и обществе. Идет перераспределение рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, людей – из деревни в город. Возникают производства, в массовом масштабе использующие машины. Появляются новые средства транспорта: железные дороги, суда с паровыми двигателями. Рушатся социальные институты и социальная иерархия, характерные для аграрного общества, возникают новые проблемы, порожденные урбанизацией, динамикой экономической конъюнктуры. Сохранять старую, традиционную, статичную картину мира становится невозможным: она со всей очевидностью противоречит новым реалиям. Отсюда растущий спрос на концепции, способные объяснить происходящие перемены, их причины, внутреннюю логику, заложенные в них тенденции, потребность в теории, формулирующей законы развития современного общества.

ТАБЛИЦА 2.1

Доля малоимущих в общей численности населения для отдельных европейских городов, XV–XVII вв.

Город	Период, год	Доля малоимущих, %
Лёвен (Бельгия)	Конец XV в.	18
Антверпен (Бельгия)	Конец XV в.	12
Гамбург (Германия)	Конец XV в.	20
Кремона (Италия)	1550	6
Кремона (Италия)	1610	15
Модена (Италия)	1621	11
Сиена (Италия)	1766	11
Венеция (Италия)	1780	14

Источник: *Cipolla Carlo Maria. Before the Industrial Revolution. Methuen, 1981. P. 15.*

Маркс был не первым, кто попытался ответить на этот вызов времени. О закономерностях исторического развития и исторических перемен пишут французские историки периода Реставрации, К. Сен-Симон и его ученики, П. Прудон, О. Конт, Г. Бокль, последователи германской исторической школы.

До конца XVIII в. бедность была в первую очередь уделом деревни. В городах было немало бедных, но доля городского населения к этому времени еще была невелика (табл. 2.1).

Веками малоземелье, неурожаи, вспышки голода удерживали темпы роста населения на низком уровне. Когда бедность сконцентрирована в деревне, для элиты, в том числе интеллектуальной, она малозаметна. С началом современного экономического роста, ускорением прироста населения, сокращением сельской занятости, урбанизацией бедность перемещается в города. Городские бедняки – это те, кто обречен на голодную смерть. Бедность становится зримой, и это происходит на фоне технических инноваций, беспрецедентного роста производственных возможностей.

В деревне бедняк может обратиться за помощью к членам большой семьи или соседям. Она не гарантирована, но отказ предоставить ее противоречит традициям. С переездом в город большая семья распадается, а нормы соседской взаимопомощи не действуют. Традиционные механизмы социальной солидарности разрушены, а новые еще не созданы. К тому же продолжительность трудового времени в течение года в ходе промышленной революции увеличивается с 2,5 до 3 тыс. чел.⁵⁸

Урбанизация порождает новые причины бедности. При натуральном крестьянском хозяйстве, ограниченности рынков риски, связанные с колебаниями экономической конъюнктуры, были невелики. Главными угрозами оставались неурожаи, войны и эпидемии. Теперь же доступность продовольствия – это первая забота города. Роль рынков в экономике растет, и колебания конъюнктуры приводят к неожиданным массовым увольнениям, что лишает городскую бедноту последних средств к существованию. Механизма регулирования социальных последствий безработицы еще нет. Свидетельство социальной дестабилизации раннего индустриального периода – рост преступности по сравнению с уровнем, характерным для традиционного аграрного общества. Лишь на следующих этапах индустриализации, примерно через два поколения после ее начала, уровень преступности начинает снижаться⁵⁹.

Давно идет дискуссия о том, как менялся уровень жизни английских низших классов в первой половине XIX в. Из-за недостатка надежных данных она, вероятно, никогда не завершится. Однако у современников не вызывал сомнения тот факт, что по мере индустриализации реальная заработная плата занятых в промышленности падала, а нищета среди рабочих росла⁶⁰.

Вообще же тогда считалось, что бедность низших классов полезна, а в повышении их благосостояния таится опасность для общества⁶¹. С последней четверти XVIII в., со времени публикации книги «О природе и причинах богатства народов» А. Смита, заработную плату рассматривали исключительно как средство поддержания жизни рабочих и воспроизводства низших классов. Через несколько лет после выхода этой работы ее уже часто цитируют в английском парламенте. Еще через несколько лет изложенные в ней представления становятся основной аргументацией в спорах на экономические темы. Естественность законов, которые определяют уровень заработной платы и невозможность его повышения, – один из ключевых тезисов Д. Рикардо.

Т. Мальтус понимал социально-политическую уязвимость представления о том, что повысить уровень жизни основной массы населения при существующем общественном устройстве невозможно. Он попытался вывести это положение не из организации общества, а из природных закономерностей: постоянный рост народонаселения – объективная реальность, она-

⁵⁸ *Tranter N. The Labour Supply 1780–1860 // McCloskey D. (ed.) The Economic History of England Since 1700. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 220, 221; Crafts N. F. R. British Economic Growth, 1700–1850; Some Difficulties of Interpretation // Explorations in Economic History. Vol. 24 (3). 1987. P. 245–268.* По этому вопросу продолжается дискуссия. Некоторые авторы считают, что Крафтс и те, кто разделяет его мнение, опираются лишь на данные, характеризующие продолжительность рабочего года в текстильной и металлургической промышленности. С учетом традиционных отраслей увеличение продолжительности рабочего года во время промышленной революции было не столь резким (*Williamson J. G. Debating the Industrial Revolution // Ibidem. P. 280*).

⁵⁹ О динамике преступности в Англии, Франции и Германии на ранних стадиях современного экономического роста см.: *Emsley C. Crime and Society in England 1750–1900. Chapter 2. London; New York: Longman, 1987; Zehr H. The Modernization and Crime in Germany and France, 1830–1913 // Journal of Social History. Vol. 8 (4). 1975. P. 117–141.*

⁶⁰ Данные о среднем росте поступающих на военную службу в Англии, рекрутируемых, как правило, из низкостатусных групп населения, дают основание полагать, что представления об увеличении распространения бедности в начале XIX в. не были беспочвенными (*Riley J. C. Rising Life Expectancy. A Global History. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 141*).

⁶¹ Как говорил кардинал Ришелье: «Все политики согласны, что ежели народ будет в достатке, то невозможно будет содержать его в границах его обязанностей. Они основываются на том, что, имея меньше знаний, чем другие сословия государства, несравненно лучше воспитанные и более образованные, народ едва ли оставался бы верен порядку... если бы он не был до некоторой степени сдерживаемый нуждою» (см.: *Андреев А. П. Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. Документальное историческое исследование. Политическое завещание А. П. Ришелье. М.: Белый Волк, 1999. С. 157*).

то и не позволяет улучшать жизнь низших классов ⁶². В 1798 году он пишет, что тенденции к улучшению условий жизни работающих бедных не существует и не может существовать ⁶³. Несколько десятилетий спустя Дж. Мак-Кулох утверждает: «...фабричная система неблагоприятно влияет на положение большинства занятых в ней» ⁶⁴.

А вот мнение другого автора – Дж. Хикса: «Сакраментальный вопрос английской истории: почему период, потребовавшийся для повышения реальной заработной платы, оказался столь протяженным, несмотря на ее колебания между 1780 и 1840 годами? Как бы то ни было, резкое отставание динамики заработной платы от экономического развития в это время очевидно» ⁶⁵.

Представления исследователей, которые доказывали ошибочность господствовавших взглядов об ухудшении в Англии положения рабочего класса на начальных стадиях ее индустриализации, объединены в работе «Капитализм и историки» под редакцией Ф. Хайека ⁶⁶. Но и ее авторы согласны с тем, что в 30–40-е годы XIX в. мнение об углубляющейся нищете рабочих было широко распространено. И эти представления бытовали в то время, когда происходили серьезнейшие социальные перемены и беспрецедентное расширение экономических возможностей ⁶⁷. В такой обстановке концепция, связывающая логику экономического развития, неотвратимость коренного изменения общественного устройства и сдвигов к улучшению жизни низших классов, просто не могла не появиться.

В 40-е годы XIX в. К. Маркс оказался свидетелем бурных изменений в производительных силах и связанных с ними перемен в организации общественной жизни. Они носят масштабный, системный характер, протекают на фоне растущих производственных возможностей и бедственного положения основной части населения. А экономическая теория твердит: жизнь рабочих лучше не будет, это невозможно, иного способа производства, кроме капитализма, придумать нельзя.

К середине XIX в. ведущая роль промышленности стала для всех очевидной. Новые реалии обусловили два центральных вывода К. Маркса. Развитие промышленности – атрибут социально-экономического прогресса. На авансцену истории выходит промышленный пролетариат. Он становится ведущей социальной силой в общественном развитии. Обнищание трудящихся как следствие развития капитализма представлялось одной из важнейших особенностей Нового времени.

⁶² Как справедливо отмечал Э. Ле Рой Ладури, Мальтус был рациональным теоретиком традиционных обществ, но он был пророком прошлого; он слишком поздно родился для быстро изменяющегося мира (*Ladurie E. L. R. The Peasants of Languedoc. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1976. P. 311*).

⁶³ «Главная и постоянная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества; не во власти богатых доставить бедным работу и пропитание, поэтому бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них того и другого. Эти важные истины вытекают из закона народонаселения, который при ясном изложении доступен самому слабому пониманию. Поэтому, раз убедившись в них, низшие классы выказывали бы больше терпения в перенесении тягостного положения, в котором они могут оказаться. Нужда не вызывала бы в них такого негодования против правительства и богатых людей; они не выражали бы постоянной готовности к неповиновению и мятежу, а получая вспомоществование от общественного учреждения или частного лица, чувствовали бы больше признательности и лучше ценили бы его» (*Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. Петрозаводск: Петроком, 1993. С. 110*).

⁶⁴ *McCulloch J. R. Treatises and Essay on Money, Exchange, Interest, the Letting of Land, Absenteeism, the History of Commerce, Manufactures, etc. Edinburgh, 1859. P. 454, 455.*

⁶⁵ *Hicks J. A Theory of Economic History. London; Oxford; New York: Oxford University Press, 1969. P. 148, 149.*

⁶⁶ *Hayek F. A. (ed.) Capitalism and the Historians. Chicago: The University of Chicago Press, 1954. P. 14.*

⁶⁷ В это время Алексис де Токвиль описывает социальный климат во Франции как войну всех против всех: «Я видел общество, разделенное на два лагеря. Те, кто не имеет ничего, объединены в алчности. Те, кто что-то имеет, объединены страхом. Никаких связей не существует между этими двумя классами. Везде господствует идея неизбежной и приближающейся схватки» (*Tocqueville A. de. Democracy in America. Vol. I. New York: Alfred A. Knopf, 1945*). Как справедливо отмечает С. Хантингтон, «модернизация всегда вызывает кризис традиционной политической системы, но отнюдь не всегда обеспечивает создание современной политической системы. Если развитость приносит стабильность, то развитие (модернизация) приносит нестабильность» (см.: *Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven; London: Yale University Press, 1968. P. 40, 41*).

Этот тезис – один из наиболее противоречивых в теории К. Маркса, но в то же время он и один из важнейших в марксистской идеологии. Ухудшение положения трудящихся считалось очевидным фактом на протяжении первой половины жизни К. Маркса, примерно до 1860-х годов. Именно в этот период закладывались основы и разрабатывалось мировоззрение создателей нового учения. Вдумчивый исследователь не мог обойти данную проблему. Об обнищании трудящихся писали решительно все – публицисты, правительственные чиновники, ближайший друг и соавтор К. Маркса – Ф. Энгельс⁶⁸. Обнищание вписывалось в гегелевскую диалектику при описании логики исторического прогресса (точнее, естественным образом следовало из этой логики) – трудящиеся через обнищание (отрицание собственности) приходят к новому положению, становясь господами своей жизни и даже истории (отрицание отрицания).

Какой вывод из этого сделает исследователь, готовый допустить возможность других способов производства? Он естествен: капитализм, развиваясь, обостряет до предела внутренние противоречия между богатеющими и нищающими и создает технологические возможности, позволяющие организовать производство и общество иначе. Будучи продуктом общественной эволюции, капитализм не вечен.

Этот вывод накладывается на гегелевскую диалектику, которая видит экономику и общество развивающимися системами, подкрепляется примером других стран, менее развитых, где тоже происходят подобные перемены. Сомнений быть не может: Англия показывает своим последователям картину их будущего⁶⁹.

2.2. «Железные законы истории» и их судьба

Еще нет четкой картины мирового развития в условиях современного экономического роста, никому не известно, что начался сложнейший исторический процесс, в ходе которого возможны неожиданные изменения, казалось бы, непоколебимых, прошедших испытание временем тенденций. К. Маркс опирается на опыт развития европейских государств, накопленный за несколько десятилетий. Ему кажется, что он понимает закономерности наблюдаемых перемен – открыл «железные законы истории», хотя и не любит употреблять это выражение. События, развивающиеся в Европе, подкрепляют его теорию: следующие за Англией страны во многом повторяют характерные для нее тенденции трансформации производительных сил, социальных перемен.

Обсуждение совокупности взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на общественное развитие и экономику – за пределами темы данной книги. Однако их влияние на траекторию мирового развития имеет к ней непосредственное отношение. В короткой надгробной речи на похоронах ближайшего друга и соавтора Ф. Энгельс называет главное, на его взгляд, свершение К. Маркса: открытие законов исторического развития⁷⁰. В одной из работ соратник первооткрывателя пишет: «Хотя „Манифест“ – наше общее произведение, тем не менее я считаю своим долгом констатировать, что основное положение, составляющее его ядро, принадлежит Марксу. Это положение заключается в том, что в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо обусловливаемое им строение общества образуют основание, на котором зиждется политическая история этой эпохи и история ее интеллектуального развития, основание, исходя из которого она только и может

⁶⁸ Энгельс стал заниматься экономическими проблемами раньше Маркса, именно он пробудил у К. Маркса интерес к ним. Работу «Положение рабочего класса в Англии», написанную Энгельсом в 1844–1845 гг., К. Маркс назвал гениальной (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 8).

⁶⁹ О влиянии специфических условий первой половины XIX в. на формирование взглядов К. Маркса см.: Field A. The Future of Economic History. Boston; Pordrecht; Lancaster: Kluwer, Nijhoff Publishing, 1987. P. 301, а также: Rostow W. W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 157.

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 350, 351.

быть объяснена; что в соответствии с этим вся история человечества (со времени разложения первобытного родового общества с его общинным землевладением) была историей борьбы классов, борьбы между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами; что история этой классовой борьбы в настоящее время достигла в своем развитии той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый класс – пролетариат – не может уже освободить себя от ига эксплуатирующего и господствующего класса – буржуазии, – не освобождая вместе с тем раз и навсегда все общество от всякой эксплуатации, угнетения, классового деления и классовой борьбы» ⁷¹.

Важнейший для анализа и прогноза вывод из Марковского видения закономерностей, присущих историческому процессу, мы уже называли: более развитые страны демонстрируют менее развитым картину их будущего. Отсюда всего шаг до тезиса о «железных законах истории», которые указывают обществу направление его движения. Ф. Энгельс в своих работах неукоснительно следует логике «железных законов истории» ⁷².

Разумеется, отцы-основатели марксизма вовсе не предполагали, будто все страны пойдут по одной и той же траектории развития, проложенной Англией. Они понимали, что не всем удастся создать предпосылки для возникновения капитализма и связанного с ним роста производства ⁷³. У национальных путей развития возможны особенности ⁷⁴.

Однако страны, которые решат проблемы формирования капиталистического строя принципиально, по основным направлениям, определяющим изменения в организации экономики и общества, пойдут общим путем. Каждому уровню развития производительных сил будет соответствовать определенная, заданная система производственных и общественных отношений.

Трудно переоценить влияние, которое оказал Маркс на осмысление закономерностей мирового социально-экономического развития. Как воспринимали это учение его последователи, описал признанный лидер марксизма в России конца XIX в. Г. Плеханов: «Собственно говоря, до Маркса общественная наука была гораздо более лишена твердой основы, чем астрономия до Коперника. Французы называли и называют все науки, имеющие дело с человеческим обществом, *sciences morales et politiques* (моральные и политические науки), в отличие от „*sciences*“, „наук“ в собственном смысле этого слова, которые признавались и признаются единственно точными науками. И надо сознаться, что до Маркса общественная наука не была и не могла быть точной» ⁷⁵.

В 1969 году Дж. Хикс в работе «Теория экономической истории» сетовал на то, сколько мало сделано для систематического приложения экономико-теоретических идей к анализу исторического процесса за 100 лет после публикации работ К. Маркса ⁷⁶. Д. Белл, автор первой и, пожалуй, лучшей книги, посвященной проблемам постиндустриального общества, утвер-

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 367.

⁷² «Франция, Германия и особенно Америка – вот те грозные соперницы, которые, как я это предвидел в 1844 г., все более и более подрывают промышленную монополию Англии. Их промышленность молода сравнительно с английской, но она растет гораздо более быстрым темпом и в настоящее время – и это весьма любопытно – достигла почти той же ступени развития, на какой английская промышленность находилась в 1844 г. По отношению к Америке сравнение особенно разительно. Конечно, внешние условия жизни рабочего класса в Америке весьма отличны от этих условий в Англии, но и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что результаты, хотя и не во всех отношениях тождественные, должны все же быть одного и того же порядка. Вот почему мы находим в Америке ту же борьбу за более короткий рабочий день, за законодательное ограничение рабочего времени, в особенности для женщин и детей на фабриках; находим в полном расцвете систему оплаты труда товарами и систему коттеджей в сельских местностях, – системы, которые используются „боссами“ как средство господства над рабочими» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 263).

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 250, 251.

⁷⁴ Энгельс Ф. К аграрному вопросу на Западе. Одесса, 1905.

⁷⁵ Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1938. С. 92.

⁷⁶ Hicks J. A Theory of Economic History. P. 3.

ждает, что все серьезные исследователи, рассматривавшие проблемы долгосрочного социально-экономического развития, были пост-марксистами ⁷⁷.

Совокупность базовых тезисов марксизма, его претензия на обладание знанием законов истории вместе с преобразовательной нацеленностью историко-философской доктрины придают учению мессианский характер. Это хорошо видно в одном из самых известных документов революционного марксизма – «Манифеста Коммунистической партии». Его авторы и не пытались это скрывать. В наиболее развитом виде доктрина сформировалась к концу 1860-х годов, когда был опубликован первый том «Капитала» (1867).

Й. Шумпетер был в числе тех исследователей, которые первыми обратили внимание на ныне общепризнанное: в марксизме неразрывно связаны элементы научной теории и светской религии. Если научный характер, опора на обширный фактический материал, теоретические построения придают марксизму убедительность, то элементы светской религии – о бьяснение мироустройства, прогнозы развития, руководство к практическим действиям, рассуждения на тему добра и зла – делают его особенно притягательным. Шумпетер также отмечал, что марксизм дает молодому человеку, который не обладает системными взглядами на взаимосвязи общественных процессов, целостное представление об устройстве мира, о законах его развития и собственном моральном долге ⁷⁸. К. Поппер, в юности увлекавшийся марксизмом, а затем посвятивший большую часть жизни полемике с Марксом, обращал внимание на завораживающее обаяние марксизма: идеи Маркса создают ощущение, будто ты познал законы истории и увидел картину будущего, дают неявный моральный посыл – помочь свершиться неизбежному ⁷⁹.

В конце XIX в. представления о закономерностях происходящего в наиболее развитых странах, о том, что новое так или иначе пробьет себе дорогу в жизнь, широко распространены в мире, в том числе и среди тех, кто марксизму не симпатизирует ⁸⁰.

Представление о «железных законах истории», которые задают тенденции в общественном развитии, становится весомым аргументом в политических дискуссиях. Обосновывая историческую необходимость даровать народу свободу, С. Витте в 1905 году писал Николаю II: «Ход исторического процесса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции... Попытки осуществить идеалы теоретического социализма, – они будут неудачны, но они будут, несомненно, – разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основные права» ⁸¹.

Сегодня главная проблема, связанная с законами исторического развития в том виде, как их сформулировал Маркс, кроется в самой природе феномена, объяснения которого мы ожидаем, – в сути современного экономического роста. Это незавершенный, продолжающийся

⁷⁷ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1973. P. 55, 56.

⁷⁸ «В каком-то смысле марксизм и есть одна из религий... Верующему она дает систему конечных целей, которые составляют смысл жизни и являются абсолютными стандартами, по которым можно судить о событиях и поступках; марксизм показывает путь к достижению этих целей, составляет план спасения и указывает на зло, от которого необходимо спасти человечество или определенную избранную часть человечества» (*Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Unwin Paperbacks, 1987. P. 5*).

⁷⁹ О взглядах К. Поппера на причины привлекательности марксизма см.: *Popper K. Unended Oquest: An Intellectual Autobiography. London: Routledge, 1992. P. 34*.

⁸⁰ К. Леонтьев писал: «Все эти нации, все эти государства, все эти общества (Европы. – Е.Г.) сделали за эти 30 лет огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации, равноправности, на пути внутреннего смещения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т. д. И в то же время они все много „преуспели“ на пути большего схождения с другими государствами и другими обществами. Все общества Запада за эти 30 лет больше стали похожи друг на друга, чем были прежде... Все идет к одному – к какому-то среднеевропейскому типу общества и к господству какого-то среднего человека» (*Леонтьев К. Национальная политика как орудие всемирной революции: Письмо к О. Фуделю. М., 1889. С. 17, 22*).

⁸¹ *Vitte S. Записка о необходимости реформ, представленная императору Николаю II 9 октября 1905 года // Красный архив. 1925. № 4–5. С. 51–61.*

процесс динамичных и глубоких преобразований, не имеющий прецедентов в мировой истории. Для него характерны масштабные изменения прочно устоявшихся тенденций. Именно отсюда многочисленные ошибки исследователей, пытавшихся экстраполировать в будущее современные им тенденции в развитии стран-лидеров. Д. Рикардо, известный английский экономист, публиковавший свои работы в эпоху промышленной революции, неправильно понял важность сопутствующих ей технологических усовершенствований и предсказал длительную стагнацию экономики Англии⁸². Т. Мальтус опирался на достоверные сведения об ускорившихся в конце XVIII – начале XIX в. темпах роста населения в Англии, строил на них свои выводы. Теперь мы знаем, что экстраполяция характерных для ранних стадий демографического перехода тенденций на более поздние стадии неправомерна.

Многие десятилетия современный экономический рост отождествляли с индустриализацией: он сопровождался быстрым ростом доли промышленности в ВВП и структуре занятости. Во второй половине XX в. выяснилось, что индустриализация лишь одна из стадий современного экономического роста, ей на смену приходит другая: за счет промышленности растет доля сферы услуг.

В те времена, когда Маркс работал над своими трудами, еще не проявился коварный характер современного экономического роста, его способность преподносить сюрпризы тем, кто считал себя знатоком его логики, закономерностей развития. И Маркс, используя доступный ему теоретический и фактический материал, пытался постичь законы развития капиталистического способа производства, выявить его противоречия, механизмы крушения общественного строя, при котором рост производства идет на фоне увеличивающейся нищеты основной массы населения.

2.3. Начало кризиса марксизма

Тезис об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса как характерной черте капитализма оказался первым из опровергнутых историей ключевых положений марксизма. До 60-х годов XIX в. еще можно было спорить, растет или нет реальная заработная плата английских рабочих, но затем ее повышение становится очевидным фактом⁸³. А ведь неизбежность обнищания отнюдь не частность для марксизма, а едва ли не главная причина, по которой, в концепции Маркса, крах капитализма неизбежен.

Пытаясь устранить противоречие между Марксовой теорией и реальностью, Ф. Энгельс указывает на исключительное положение Англии, ее промышленную монополию в Европе и мире. Рано или поздно монополии придет конец, и тогда вновь даст о себе знать старая тенденция – к обнищанию рабочего класса⁸⁴. К концу XIX в. слабость английского рабочего движе-

⁸² Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 294–304.

⁸³ В 1860 г. четверть населения Англии потребляла менее 3 тыс. калорий в день, еще четверть — менее 3,5 тыс. Через 20 лет потребление даже нижних 10 % доходных групп населения было немногим ниже 3,5 тыс. калорий (*Heclø H. Modern Social Politics in Britain and Sweden. From Relief to Income Maintenance.* New Haven; London: Yale University Press, 1974. P. 27, 28). Данные об увеличении душевых доходов в середине – конце XIX в. в Западной Европе подтверждаются сведениями о среднем росте призывников. В 1851–1855 гг. средний рост призывника в шведскую армию составлял 166,6 см, к 1911–1920 гг. он увеличился до 172,7 см; в Норвегии соответствующее увеличение составило со 168,6 см в 1850 г. до 170,7 см в 1905 г.; в Дании — со 165,4 см в 1852–1856 гг. до 169,1 см в 1904–1905 гг.; в Нидерландах со 164,1 см в 1863 г. до 167 см в 1902–1904 гг. (*Россет Э. Продолжительность человеческой жизни.* М.: Прогресс, 1981. С. 29).

⁸⁴ «... Пока существовала промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам изредка кое-что перепало. Вот почему с тех пор, как умер оуэнизм, в Англии больше не было социализма. С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение, он весь, не исключая привилегированного и руководящего меньшинства, окажется на том же уровне, на каком находятся рабочие других стран. И вот почему социализм вновь появится в Англии» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 204, 205*).

ния разительно противоречила уровню развития капитализма в Англии. Этот факт стал даже для марксистов тривиальным.

Постепенно тенденция к росту реальной заработной платы рабочих проявляется в следующих за Англией странах континентальной Европы. В конце XIX в. марксисты пытаются спасти чистоту учения: у Маркса, по их словам, речь идет не об абсолютном, а об относительном обнищании пролетариата ⁸⁵. Но это со всей очевидностью противоречит работам основоположника, поскольку краеугольный камень учения Маркса – тезис о невозможности улучшить положение рабочего класса в условиях капитализма.

На этапах более зрелого индустриального общества социально-политический фон экономического развития изменяется. Еще недавно английские рабочие, лишённые избирательных прав и социальной защиты, с трудом адаптирующиеся к городской жизни, работе на фабрике ⁸⁶, были антиподами политической элиты, которой их интересы и чаяния безразличны; они казались мощной революционной силой, способной по мере обострения противоречий капитализма сокрушить его. К 1860–1870-м годам английская буржуазия проявила гибкость, предоставила большинству рабочих-мужчин избирательное право. Начинает сокращаться рабочий день, увеличивается продолжительность отпусков и времени нетрудоспособности, за которую выплачивается пособие; трудовой год в странах – лидерах современного экономического роста сокращается в среднем примерно с 3 тыс. ч до менее 2 тыс. ч. Сокращение рабочего дня способствует как улучшению здоровья трудящихся, так и повышению качества трудовых ресурсов ⁸⁷.

Рабочие быстро, всего за два поколения, адаптируются к новым реалиям, к жизни в городе и работе на фабрике. Их политическая активность растет, она приводит к серьезным изменениям в рабочем законодательстве. Это, в свою очередь, вызывает рост реальной заработной платы. Английское рабочее движение превращается в политическую силу, ориентированную на реформы, улучшающие положение рабочих, а не на революционное свержение капитализма. В 70–80-х годах XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс пишут об английских рабочих с нескрываемым раздражением ⁸⁸. Английский рабочий класс не оправдал ожиданий классиков марксизма.

Из поздних произведений К. Маркса нетрудно понять, что перспективы социалистической революции вызывали у него все большие сомнения. Это состояние растущего пессимизма удается преодолеть во времена Парижской коммуны, но поражение последней и укрепление во Франции режима Третьей республики усиливают скептические настроения по отношению к неизбежности пролетарской революции. К. Маркс перестает работать над «Капиталом» ⁸⁹. В то же время растет его интерес к менее развитым странам, прежде всего к России (см. об этом ниже, в гл. 8).

Модификации историко-философской доктрины, сделанные самими ее основоположниками, касались условий осуществления социального переворота. Практика свидетельствовала,

⁸⁵ Каутский К. О материалистическом понимании истории. Иваново-Вознесенск: Основа, 1923. С. 60.

⁸⁶ В XVIII в. свободно рожденные англичане, даже занятые на наемной работе в сельском хозяйстве, пытались всячески избежать положения наемного работника в промышленности (Field A. J. The Future of Economic History. Boston; Pordrecht; Lancaster: Kluwer, Nijhoff Publishing, 1987. P. 272).

⁸⁷ Maddison A. Dynamic Forces in Capitalist Development. Oxford; New York: Oxford University Press, 1991. P. 63.

⁸⁸ «Благодаря периоду коррумпированности, наступившему с 1848 года, английский рабочий класс был постепенно охвачен все более и более глубокой деморализацией и дошел наконец до того, что стал простым придатком „великой либеральной партии“, т. е. партии своих собственных поработителей, капиталистов» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 34. С. 249).

⁸⁹ В 1883 г., разбирая рукописи умершего друга, Энгельс обнаруживает, что все материалы, имевшие отношение к «Капиталу», т. е. черновики второго и третьего томов, написаны готическими буквами, тогда как начиная с 1873 г. Маркс пользуется исключительно латинскими. Это дополнительный показатель того глубочайшего мировоззренческого кризиса, который Маркс переживает в это время (Лобок А. Подсознательный Маркс. Екатеринбург: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1993. С. 269; Гребнев Л. С. Мавр возвращается? А он и не приходил... // Вопросы экономики. 2004. № 8–9).

что революционные катаклизмы, стремление пролетариата взять власть в свои руки не находятся в линейной зависимости от прогресса капиталистических отношений. В противном случае следовало бы ожидать, что Англия покажет пример развития не только производительных сил, но и революционного движения, приближения общества к социализму. Между тем практика свидетельствовала, что революционное движение (и рабочие партии) активнее развивается в более отсталых странах. Во Франции, а не в Англии периодически происходили революционные взрывы. Если события 1848–1851 годов еще можно было трактовать как продолжение буржуазной революции (хотя социалисты чуть было не пришли к власти), то в 1870–1871 годах революция (и особенно Парижская коммуна) имела выраженный пролетарский и социалистический характер.

В еще менее развитой, хотя и быстро растущей Германии сформировалась и укрепляется социал-демократия, рассматривающая себя как партию рабочего класса, основанную на марксистском учении. Марксизм становится популярным в России. Здесь нарастает революционное движение под социалистическими лозунгами ⁹⁰.

Напротив, не только в Англии, но и в США, где капитализм развивался невиданными темпами, признаки революции не проявляются. Рабочие партии здесь остаются слабыми. Концентрация богатства на одном полюсе не приводит к социальному взрыву на другом. Рассуждения К. Маркса и Ф. Энгельса на тему о США и Англии содержат два рода утверждений. С одной стороны, это варианты объяснений, почему не происходит революционного взрыва, а рабочие остаются пассивными: в США пассивность рабочего движения объясняется постоянным притоком иммигрантов и обилием свободной земли ⁹¹, в Англии (как указывалось выше) – монопольным положением в мировой промышленности, обеспечивающим рост благосостояния английских рабочих за счет рабочих других стран. С другой стороны, основоположники марксизма пытаются доказать, что в конечном счете развитие идет по пути, предначертанному еще в середине 1840-х годов, но за всем их построением стоит плохо скрываемая обида на пролетариат наиболее развитых стран, не понимающий «общих условий освобождения» ⁹².

Продвижение марксистских идей на восток потребовало уточнения еще одного принципиального вопроса: в какой мере универсальны закономерности, сформулированные К. Марксом? Неизбежно ли все страны должны будут повторить путь Англии, двигаться от феодальных к капиталистическим производственным отношениям и на основе последних – к социализму? Или, формулируя тот же вопрос в этических терминах: насколько обязательно пройти через тяготы и страдания капитализма, чтобы прийти ко всеобщему счастью и братству при социализме?

Ход событий подталкивал к выводу, что революция – не магистральное направление развития буржуазной цивилизации. Возможность революции нарастает на определенном, начальном этапе развития буржуазных отношений, когда происходит поляризация классов и положение трудящихся, переселяющихся из деревни в город, может ухудшаться. Недаром после Англии центр революционной борьбы смещается во Францию и Германию (отстававшие от Англии на 30–40 лет), а затем – в Россию (еще одно 50-летнее отставание).

Отстающие страны демонстрируют, что революционное движение разворачивается даже при отсутствии классических для марксизма предпосылок, при сохранении традиционных форм организации социально-экономической жизни. Речь идет в первую очередь о России,

⁹⁰ В Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста» его авторы писали: «Первое русское издание „Манифеста Коммунистической партии“ в переводе Бакунина появилось в начале 60-х годов... В то время русское издание „Манифеста“ могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 304).

⁹¹ См., например, написанное Ф. Энгельсом в 1886 г. «Приложение к американскому изданию „Положения рабочего класса в Англии“» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 263, 264).

⁹² Там же. С. 351.

о возможности использовать общину как ячейку, исходный пункт социализма. Здесь среди немарксистских социалистов была распространена точка зрения, что община создает условия для перехода к социализму, минуя капитализм. Положительный ответ на этот вопрос означал бы существенный пересмотр учения об общественноэкономических формациях. Известно, что в последние 10–15 лет жизни К. Маркс обратился к этой проблеме, стал изучать русский язык, работал с российскими статистическими материалами. В его бумагах сохранились размышления по данному поводу. Характерно, что большинство из них не было предано гласности при жизни автора. В них он говорит о том, что через развитие общины возможно прийти к социализму. Следовательно, к социализму ведут разные пути и опыт западного капитализма не универсален. К. Маркс возражает против превращения его «очерка возникновения капитализма в Западной Европе» в некую «историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются». Он призывает вместо построения универсальных исторических законов «изучать каждую из этих эволюций в отдельности» и затем сопоставлять их друг с другом ⁹³.

Из этого вытекают далеко идущие выводы. Сохранение общины позволяет перейти к социализму, минуя тяготы буржуазной эксплуатации. В определенной ситуации сохранившаяся община – это «элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя» ⁹⁴. В черновике эта мысль уточняется: «Жизни русской общины угрожает не *историческая неизбежность*, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в нее капиталистами» ⁹⁵ (курсив мой. – Е. Г.).

Понимание нелинейности общественного развития К. Марксом в поздние годы его жизни заставляет вносить модификации в теорию общественных формаций. Впоследствии «Краткий курс истории ВКП(б)» сведет эту теорию к пресловутой «пятичленке», по которой мир развивается, переходя последовательно от одной формации к другой, более высокой. У К. Маркса все сложнее. Он выдвигает гипотезу о существовании трех фаз развития общества: первичной (архаической) общественной формации, основанной на общественной собственности, наиболее развитой формой которой является земледельческая община; вторичной формации, основанной на частной собственности, и формации, вновь основанной на общественной собственности, напоминающей архаичную, но уже предполагающей более высокую фазу развития производительных сил ⁹⁶. Из этого тезиса следует ряд выводов принципиального характера:

- формации могут существовать не только последовательно, сменяя одна другую, но и параллельно. Различные страны, находящиеся примерно на одном уровне развития производительных сил, могут характеризоваться различными общественными формами (азиатский способ производства, рабовладение, феодализм);
- необязательно все страны должны пройти через одни и те же фазы развития общества (одни и те же производственные отношения), даже если их производительные силы находятся на сопоставимом уровне;
- существует множество факторов помимо экономических, оказывающих влияние на формы общественной жизни данной страны.

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 120, 121.

⁹⁴ Там же. С. 401.

⁹⁵ Там же. С. 415. Несколько иная точка зрения излагается в Предисловии к «Манифесту Коммунистической партии»: возможность развития социализма из общины обуславливается синхронизацией русской революции с пролетарской революцией на Западе (там же. С. 305).

⁹⁶ Там же. С. 419.

2.4. Конфликт между теорией и «светской религией»

В последние годы жизни К. Маркс стал скептически отзываться о «вечных, железных, великих законах»⁹⁷. Это означало существенную трансформацию исходной доктрины, ее усложнение, вызов «светской религии», которая не может быть сложной и многозначной, должна давать простые рецепты.

Обозначилось противоречие. Развитие научных основ марксизма предполагало усиление внимания к нюансам, исключениям из правил. Но это для интеллектуальной элиты. Марксизм же как «светская религия» требовал сохранения неколебимости догматов, минимизации исключений, выпячивания «железных законов». Дальнейшее научное развитие марксизма означало признание, что часть исходных установок не соответствует долгосрочным трендам развития цивилизации, предполагало пересмотр первоначальных идей. «Религия» требовала решительной борьбы против попыток пересмотра не только логических конструкций, но и буквы нового «писания».

Сам К. Маркс оказался в ловушке. Сложилась парадоксальная ситуация: марксизм стал заложником интеллектуальной мощи работ своего основоположника, его политического успеха. К. Маркс к концу жизни видел, что многое из написанного им опровергается развитием событий в мире. Но предложенная доктрина благодаря своей внутренней непротиворечивости и простоте овладела массами, а, как писал он сам, идея, овладевая массами, становится материальной силой. К. Маркс пытается пересматривать некоторые элементы доктрины, но видит, что пересмотр отдельных фрагментов рушит все здание. А вокруг этого здания сформировались массовые партии, мировоззрение, цель жизни и судьбы сотен тысяч (и даже миллионов) людей. Все это может быть погребено под обломками, если здание рухнет. Да и соратники не склонны позволять сотрясать основы учения, под знаменем которого строится их борьба и политическая карьера⁹⁸.

Читая поздние работы К. Маркса, нетрудно заметить, что в последние годы жизни он осторожно относится ко всякому произносимому слову, пытается внести коррективы, не посягая на суть учения, добавляет новые фрагменты. Но все это не выходит за рамки писем и черновиков. Наиболее смелые гипотезы оказываются даже не в частных письмах, а в черновиках, не предназначенных не только для публикации, но даже для отправки корреспонденту. Эти наброски или остаются в столе («предоставляются грызущей критике мышей», как он сам однажды выразился по другому поводу⁹⁹), или лишаются наиболее интересных пунктов, когда оказываются переписанными набело¹⁰⁰.

Так развивается конфликт между религиозной и научной сторонами марксизма, который будет оказывать сильное влияние на интеллектуальные поиски XX в. Для стран, провозгласивших марксизм своей официальной идеологией («государственной религией»), этот конфликт будет иметь трагические последствия, поскольку защита «чистоты марксизма» станет использоваться для оправдания политических репрессий.

⁹⁷ Там же. С. 23, 24.

⁹⁸ На конфликт между марксизмом как научной доктриной и политической идеологией обратил внимание еще Э. Бернштейн. Он писал: «Социализм как боевое движение не может оставаться свободным от всякой тенденции по отношению к науке. Это лежит в самой его природе, ибо его главная цель не в том, чтобы осуществлять постулаты науки» (*Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм?* / Пер. с нем. Ю. Райхесберга. Одесса: Буревестник, 1906. С. 24).

⁹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 8.

¹⁰⁰ Наиболее яркими примерами такого рода размышлений являются так и не отправленное письмо редактору «Отечественных записок», а также письмо Вере Засулич в сравнении с тремя его черновыми набросками (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 116–121, 250, 251, 400–421). Стоит обратить внимание и на «Историю секретной дипломатии», так никогда и не опубликованную на русском языке.

2.5. Ревизия марксизма, вызов постиндустриального развития

Один из ближайших соратников Маркса и Энгельса, с которым в последние годы жизни они вели оживленную переписку, Э. Бернштейн, выступил с работами, направленными на ревизию их наследия, ее адаптацию к изменившемуся миру, где надежды на социалистическую революцию и крушение капитализма становятся призрачными.

Предложенная Э. Бернштейном ревизия марксизма – переориентация социал-демократии с революционных целей на реформистские, приближенная к интересам низших классов перестройка институтов капиталистического общества – задала новую траекторию, по которой в XX в. эволюционировали идеология и политика левых и социал-демократических партий. Однако до того, как правота Бернштейна стала очевидной, мир вступил в период глобальных потрясений 1914–1945 годов. Две мировые войны, замедление темпов экономического роста, социалистическая революция в России, великий кризис, которого так ждал Ф. Энгельс¹⁰¹, социальная дезорганизация, массовая безработица в странах – лидерах современного экономического роста, неспособность их национальных элит преодолевать кризисные ситуации, успехи советской индустриализации, победа СССР в войне – все это с избытком перекрывало неточности прогнозов Маркса в важных, но, на взгляд его последователей, частных вопросах. Социалистическая революция произошла не там и не так, как он предсказывал, не в самой развитой капиталистической стране, а в той, которая находилась на ранней стадии индустриализации. Но ведь произошла.

К концу Второй мировой войны большинство исследователей в странах – лидерах современного экономического роста были убеждены в том, что Великая депрессия была лишь временно приостановлена войной и вновь возобновится после ее окончания. В это время активно обсуждалось то, что надо делать при возникновении вновь безработицы, сопоставимой по уровню с той, которая была характерна для 1929–1933 годов¹⁰².

На этом фоне тезис о фундаментальной правоте марксистских схем исторического прогресса к середине XX в. практически не подвергался сомнению. Не только восточные революционеры, но и западные интеллектуалы (и даже некоторые буржуазные политики) признавали его правоту. Не во всем, конечно, но общая тенденция экономического прогресса, казалось, была предсказана К. Марксом правильно. Происходит концентрация производства и капитала, кризисы становятся более разрушительными (причем кризисы не только экономические, но и военно-политические), общество требует усиления централизованного регулирования. В эти годы почти все соглашались, что необходимо государственное вмешательство в экономику для преодоления экономических кризисов, которые «широко воспринимались как признак конца капитализма»¹⁰³. За этим следовал вывод о «конце истории», в котором видели, правда, не столько торжество коммунизма, сколько торжество тоталитаризма¹⁰⁴.

В 1940-е годы Й. Шумпетер в работе «Капитализм, социализм и демократия» извиняется, что вынужден затрагивать столь тривиальную тему, как неизбежность победы социализма. Да, на его взгляд, механизмы, которые трансформируют капитализм в социализм,

¹⁰¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 286, 287, 296–298.

¹⁰² Lipset S. M. The Twentieth Century. America as a Post-Industrial Society. California: Stanford University, Hoover Institution Press, 1979. P. 4.

¹⁰³ Barkai A. Nazi Economics: Ideology, Theory and Policy. Oxford; New York; Munich: Berg, 1990. P. 98. Многие авторы отмечают также распространенные в США (особенно в левых кругах) представления о том, что экономический кризис означает смерть капитализма (Eckstein O. Ideologies and Utopias: The Impact of the New Deal on American Thought. Chicago: Quadrangle books, 1969. P. 66, 179).

¹⁰⁴ Дж. Оруэлл вспоминал об этом времени: «Помнится, я как-то сказал Артуру Кестлеру: „История в 1936 году остановилась“, – и он кивнул, сразу поняв, о чем речь. Оба мы подразумевали тоталитаризм» (Оруэлл Дж. Мысли в пути. М.: АСТ – Ермак, 2003. С. 16).

иные, чем представлял себе К. Маркс. Обнищание пролетариата не состоялось, и социального взрыва не будет. Но Маркс был прав в оценке главных тенденций капитализма: концентрация капитала, укрупнение производства, монополизация, бюрократизация экономической жизни, утрата ведущей роли предпринимательства. В неизбежности продолжения этих процессов кроется источник социализации экономики и общества.

Й. Шумпетер повторяет ошибку Маркса: экстраполирует на будущее тенденции, десятилетиями определявшие развитие стран – лидеров современного экономического роста. Для зрелой индустриальной эпохи характерны крупные производственные комплексы, использующие преимущества масштаба, конвейерной организации производства, стандартизации. Другие факторы выйдут на первый план на постиндустриальной стадии развития. Но в конце 1940-х годов сохранение тенденции к концентрации производства представляется Й. Шумпетеру, как и многим другим исследователям, несомненным.

В середине XX в. ветер истории не наполняет паруса корабля либерализма. При всех отклонениях реального исторического развития в конце XIX—второй половине XX в. от логики «железных законов истории» многие еще верят, что основоположники марксизма в целом верно оценивали главные закономерности мирового социально-экономического развития. И наиболее авторитетные мыслители-либералы предпринимают атаку на самую возможность выявить и проанализировать законы исторического развития. К. Поппер, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, И. Берлин публикуют работы, в которых критикуют концепцию исторических закономерностей¹⁰⁵.

Кульминацией этой атаки стала публикация в 1957 году книги К. Поппера «Нищета историзма», главная идея которой – невозможность прогнозировать развитие человечества на основе научных или иных рациональных методов¹⁰⁶. Другая работа на ту же тему – увидевшая свет в 1954 году книга И. Берлина «Историческая неизбежность»¹⁰⁷. Самый серьезный аргумент либералов – ключевая роль в социально-экономическом развитии достижений науки и новых технологий. На человеческую историю оказывает влияние растущий багаж знаний. Мы не располагаем методами, позволяющими предсказать его воздействие на социально-экономические процессы. Дать научный прогноз дальнейшего развития исторического процесса невозможно¹⁰⁸.

Аргументация противников «железных законов истории» носит не научный, а скорее идеологический характер. К. Поппер признавал, что его критика представлений о существовании исторических законов – вклад в борьбу против фашизма и тоталитаризма¹⁰⁹.

Марксистскую догму о закономерности исторического процесса широко и активно используют тоталитарные режимы, стремясь сделать ее идейно привлекательной. Ф. Хайек отмечает: «Практически все социалистические школы использовали философию истории как

¹⁰⁵ Разумеется, аргументы против представлений о закономерности исторического процесса приводились и раньше. В самом начале XX в. Э. Мейер писал: «Там, где действительность должна быть изучена в ее частностях, нелепо подводить ее под общие понятия, поэтому нелепо стремиться и к открытию исторических законов, так как законы являются не чем иным, как безусловно всеобщими и необходимыми формулами... Речь идет не о том, насколько трудно или легко открывать исторические законы, а о том, что самое понятие „исторический закон“ включает в себе внутреннее противоречие, логическую несообразность, *contradictio in adjecto*, так как понятия „историческая наука“ и „наука о законах“ совершенно несовместимы одно с другим и исключают друг друга. И действительно, в течение моих многолетних исторических исследований мне не удалось открыть ни одного исторического закона, да и в изучениях других историков мне до сих пор не попадались такие законы» (Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории: Философско-исторические исследования. М.: Типография И. Д. Сытина, 1904. С. 30).

¹⁰⁶ Popper K. R. The Poverty of Historicism. London: Routledge & Kegan Paul, 1957. P. 135.

¹⁰⁷ Berlin I. Historical Inevitability. London: Oxford University Press, 1954. P. 150. Еще одна известная работа, содержащая набор аргументов против возможности достоверного прогнозирования динамики социально-экономического развития: Aron R. Introduction to the Philosophy of History. London: Weidenfeld & Nicolson, 1961.

¹⁰⁸ Popper K. R. The Logic of Scientific, 6th Impression. London: Hutchinson, 1972. P. 136.

¹⁰⁹ Popper K. R. Unended Oquest: An Intellectual Autobiography. London: Routledge, 1982. P. 135.

способ доказательства преходящего характера разных наборов экономических институтов и неизбежности смены экономических систем. Все они доказывали, что та система, которая основана на частной собственности на средства производства, является извращением более ранней и более естественной системы общественной собственности. И так как они исходили из того, что капитализм ухудшает положение рабочего класса, неудивительно, что у них получались построения, доказывавшие неизбежность его крушения»¹¹⁰. Продолжая мысль автора, добавим от себя: именно поэтому подобные построения должны быть отвергнуты.

Аргументация Ф. Хайека была убедительной. На протяжении последующих десятилетий историки, не причислявшие себя к марксистам, дабы не рисковать своей научной репутацией, избегали обсуждать долгосрочные тенденции исторического развития¹¹¹. Публикуя в начале 1960-х годов работу, посвященную закономерностям современного экономического роста, У. Ростоу снабдил ее защищающим от идеологических упреков подзаголовком «Некоммунистический манифест»¹¹².

Пик популярности и признания идеологии часто несет в себе подготовку к ее глубокому кризису. В соответствии с марксистской философией истории для кризиса социалистической идеи должны были созреть материальные предпосылки. И действительно, подлинный и глубокий кризис марксизма как теоретической базы социализма и коммунизма наступил только с кризисом зрелого индустриального общества, с формированием новой технологической базы. Иными словами, сам кризис марксизма стал подтверждением правоты его историкофилософской доктрины.

С начала 1950-х годов современный экономический рост в странах-лидерах преподносит исследователям очередной сюрприз: некоторые характерные для предшествующего периода (1914–1950 годы) тенденции меняют свою направленность на 180 градусов. Резко ускоряются темпы экономического роста, расширяется мировая торговля. Глобальные потрясения и кризисы 1920–1930-х годов уходят в прошлое. В странах-лидерах растут расходы на социальные программы. Занятость в промышленности, которая на протяжении десятилетий была локомотивом экономического развития, начинает сокращаться – сначала в США, потом в Западной Европе. Занятость в сфере услуг растет.

Можно выделить следующие особенности новой технологической базы, проявившиеся во второй половине XX в.:

- структурный сдвиг в экономике, суть которого в сокращении доли промышленности, росте доли сектора услуг (как в производстве, так и в занятости). Доля услуг к концу XX в.

превышает половину объема национального производства наиболее развитых стран мира. Это подрывает один из важнейших постулатов исторической концепции марксизма о «всемирно-исторической роли» промышленного пролетариата;

- возрастает динамизм развития производительных сил, технологий. Это повышает уровень неопределенности в организации технологического процесса. Важнейшие тенденции развития производства оказываются непредсказуемыми. Концентрация производства, стандартизация производственных процессов перестают быть важнейшими факторами, повышающими эффективность экономики. Они уступают эту роль гибкости, способности быстро перестраивать производство, систему оказания услуг, переориентировать их на меняющийся потребительский спрос. Это подрывает еще одну фундаментальную черту (и в представлении многих – преимущество) социалистической системы – возможность долгосрочного планирования и координации действий хозяйственных агентов;

¹¹⁰ Hayek F. A. *Capitalism and the Historians*. Chicago: The University of Chicago Press, 1954. P. 22.

¹¹¹ Snooks G. D. *The Laws of History*. London; New York: Routledge, 1998; Lazonick W. *Theory and History in Marxian Economics* // Field A. J. (ed.) *The Future of Economic History*. Boston; Dordrecht; Lancaster: Kluwer, Nijhoff Publishing, 1987. P. 255–312.

¹¹² Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth: a Non-communist Manifesto*. Cambridge: University Press, 1960.

· происходит насыщение спроса продуктами, необходимыми для обеспечения жизнедеятельности человека. Проблема бедности (или неравенства) в развитых странах перестает быть проблемой выживания индивида. Потребности выходят на новый уровень: их удовлетворение связано с индивидуальными склонностями человека. Это предопределяет сдвиги как технологического, так и социального характера: кризис конвейера, диверсификация потребностей.

По мере роста благосостояния подавляющая масса населения становится собственником, заинтересованным не в переделе созданного продукта, а в создании условий для непрерывного продолжения такого роста. Общество, достигшее благосостояния, в котором большинству граждан «есть что терять», не любит нестабильности, тем более оно не склонно к революционным взрывам. Интерес к революционному марксизму, предполагающему радикальный передел собственности, ослабевает.

Столкнувшись с вызовом постиндустриального развития, социалистические страны либо оказываются неспособными адаптироваться к нему, что приводит к глубокому кризису и краху (Советский Союз, соцстраны Восточной Европы), либо начинают перестраивать свою экономическую систему, восстанавливают в ней рыночные элементы, отходят от автаркии, интегрируются в мировое хозяйство (пример – Китай) ¹¹³.

Модный аргумент, используемый сегодня неомарксистами, – ссылка на то, что социализм, построенный в СССР, в странах советской империи, не был подлинным социализмом. По этому поводу Я. Корнай справедливо пишет: «Официальное руководство каждой из стран, входивших в состав социалистической империи, декларировало, что существующая система является социалистической. Зачем искать определение для социальной системы, существующей в этих странах, иное, чем они сами используют? К тому же социально-экономические установления этих стран по меньшей мере некоторые школы социалистической мысли считают характерными для этой системы» ¹¹⁴.

На этом фоне двойственная природа марксизма – как научной теории и светской религии – сказывается на его судьбе особенно сильно. Джоан Робинсон, один из самых образованных критиков марксизма, писала: «Разница между ученым и пророком состоит не в том, что он говорит, а в том, как воспринимаются его слова. Долг последователей ученого – в проверке его гипотез, в поиске фактов, которые им противоречат. Долг последователей пророка – в повторении его слов» ¹¹⁵. Перед первыми остро встает вопрос качества выбранного ими инструмента научного познания, точности теоретических прогнозов. Для поклонников светской религии сама мысль о возможности ошибок и неточностей в трудах отцов-основателей – святотатство.

Между тем в прогнозах социально-экономического развития у К. Маркса и Ф. Энгельса много деталей, которые чем дальше, тем больше расходятся с очевидными и неоспоримыми фактами. Жесткость марксистской конструкции не позволяет адаптировать ее к новым реалиям, сохранить то, что в ней интересно и ценно: анализ общества как развивающейся целостности, взаимосвязь уровня технологического развития (по марксистской теории – производительных сил) и социальных институтов (производственных отношений) ¹¹⁶.

¹¹³ «Крах коммунизма в Восточной Европе стал последним гвоздем, вбитым в гроб Марксовых теорий экономического детерминизма. Термин „детерминизм“ приобрел дурной запах из-за его связи с Марксом, и вполне заслуженно. Совершенно очевидно, что никакой отдельный фактор не в состоянии полностью объяснить или предсказать всевозможные вариации человеческого и общественного поведения и прогресса» (*Харрисон Л. Э. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. Бейсик Букс. Подразделение издательства «Харпер Коллинз» Препринт. С. 20*).

¹¹⁴ *Kornai J. The Socialist System: The Political Economy of Communism. Oxford: Clarendon Press, 1992. С. 10.*

¹¹⁵ *Robinson J. Further Contributions to Modern Economics. Oxford: Basil Blackwell, 1980. P. 202.*

¹¹⁶ «К сожалению, большинство критических возражений по отношению к Марксу направлены на то, чтобы убедить не относиться к его работам серьезно, а не на то, чтобы учиться на его ошибках. С другой стороны, многие, если не большинство, современных марксистов защищают своего учителя, доказывая, что он никогда не совершал никаких ошибок» (*Field A. J. The Future of Economic History. Boston; Dordrecht; Lancaster: Kluwer, Nijhoff Publishing, 1987. P. 258*). О трудности сохране-

Из всех попыток адаптировать наследие К. Маркса к реалиям второй половины XX в. наиболее системной является совокупность работ И. Валлерстайна. Он доказывает, что в марксизме должна быть скорректирована одна из составляющих метода, применяемого для исследования социально-экономических процессов; речь идет о выборе уровня анализа. Еще в XVI в. мир стал интегрированной социально-экономической системой. Поэтому анализ мирового развития, основанный на исследовании тенденций в отдельных, вырванных из глобального контекста странах, непродуктивен. В мире есть богатое, сильное ядро и бедная, слабая периферия. Та или иная страна способна изменить свое положение в мировой системе, перебраться с периферии в ядро. Однако это ничего по сути не меняет. Противоречия между реальными траекториями национального развития и прогнозами Маркса не принципиальны. Пусть десятилетиями сотни миллионов людей жили при социальноэкономической системе, которую ее лидеры нарекли социализмом, все равно мировое хозяйство оставалось капиталистическим. «Если мы говорим о стадиях – и мы должны говорить о стадиях, – то это должны быть стадии развития социальных систем, рассматриваемых как тотальность. В XIX и XX вв. была лишь одна мировая система – капиталистическая мировая экономика» ¹¹⁷. Как считает И. Валлерстайн, капитализм наделен большей внутренней энергией и устойчивостью, чем предполагал Маркс, но внутренние противоречия этой формации неизбежно приведут к взрыву, к переходу к социалистической системе и созданию мирового правительства. Говоря о современной мировой системе, Валлерстайн отмечает: «Я не думаю, что она просуществует долго... Когда ее противоречия не позволят ей дальше функционировать, будет бифуркация, последствия которой невозможно предсказать... Эта историческая система, как и все исторические системы (*соответствующие историческим стадиям Маркса*), не только имела начало (генезис), но... будет иметь и конец. И только тогда мы можем сконцентрировать внимание на том, какую систему... мы хотим создать» ¹¹⁸ (курсив мой. – Е. Г.).

Главная проблема таких прогнозов состоит в том, что современники не могут проверить их точность. Выстроенная Марксом схема мирового развития – картина жесткая, но убедительная («более развитые страны показывают менее развитым лишь картину их собственного будущего» ¹¹⁹). В интерпретации И. Валлерстайна эта картина становится мягкой, пластичной. Отказ от анализа национальных траекторий влечет отрицание возможности использовать опыт социально-экономического развития развитых стран при оценке перспектив более бедных. В отличие от многих Марксовых построений, которые проходят тест К. Поппера на фальсифицируемость, т. е. на определение того набора фактов, который сможет ее подтвердить или опровергнуть ¹²⁰, картина мира И. Валлерстайна позволяет легко включить в себя любое развитие событий.

Итак, к началу 3-го тысячелетия метод анализа исторического процесса и его закономерностей, предложенный в середине XIX в. К. Марксом, оказался скомпрометированным, хотя и

ния простоты мира, характерной для марксизма как светской религии, при необходимости учитывать реальное многообразие социальной организации на сходных уровнях экономического развития см.: Hall J. A. Power's & Liberties: The Causes and Consequences of the Rise of the West. London: Penguin Books, 1985. P. 12–13.

¹¹⁷ Wallerstein I. The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis. Cambridge University Press: Comparative Studies in Society and History. 1974. Vol. 16. N 4. P. 390.

¹¹⁸ Wallerstein I. World System Versus World-Systems // Frank A. G., Gills B. K. (eds) The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? <http://abuss.narod.ru/Biblio/ws/ws-5000 intro.htm>.

¹¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 23. С. 9.

¹²⁰ «Легче всего делать весьма общие пророчества, к примеру, утверждать, что в разумный промежуток времени будет дождь. Поэтому не так уж много говорит пророчество, утверждающее, что в течение нескольких десятилетий где-нибудь произойдет революция. Однако, как мы видим, Маркс говорил несколько больше, чем это, и как раз достаточно для того, чтобы сказанное им могло быть фальсифицировано последующими событиями. Те, кто отказывается от возможности такой фальсификации, устраняют последнюю каплю эмпирического содержания из системы Маркса, которая в таком случае становится чисто метафизической» (Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 386).

сохранил немало сторонников¹²¹. Прогнозы основоположника не оправдались, события в странах – лидерах современного экономического роста пошли по иному, нежели он предполагал, руслу. Социалистический эксперимент провалился, «железные законы истории» не сработали.

И все же, если абстрагироваться от идеологического противостояния и попытаться оценить, что дал накопленный за два века опыт мирового развития для понимания тенденций и закономерностей современного экономического роста, нетрудно убедиться: многие фундаментальные методологические тезисы, сформулированные Марксом полтора века назад, подтвердились.

2.6. Марксизм и современность. Некоторые выводы

Важнейший тезис марксизма состоит в том, что производительные силы (или технологический базис) общества определяют его экономические, социальные и политические отношения (институты). Этот тезис более важен, чем другие построения марксизма. Именно в нем основа представления о законах движения общественного прогресса. Все остальное (включая структуру общественно-экономических формаций, роль классовой борьбы, обобществления), каким бы важным оно ни казалось идеологам и политикам, лишь более или менее адекватное применение этого принципа к анализу реалий этапов исторического развития.

Возникает вопрос: а как, по каким параметрам можно оценить уровень развития производительных сил? Технологический прогресс непрерывен, его фазы удастся выделять лишь с определенной степенью абстракции.

Лучший параметр, используемый для оценки того, что К. Маркс называл уровнем развития производительных сил, – среднедушевой ВВП, рассматриваемый в исторической ретроспективе и в сопоставимом для межстранового анализа виде¹²². Определенного уровня этого показателя можно добиться лишь на заданной технологической базе. Среднедушевой ВВП, характерный для индустриального общества, не может быть достигнут на базе технологий общества традиционного (аграрного). Для современного постиндустриального общества характерен уровень ВВП более высокий, чем тот, который достигается, когда промышленность доминирует в структуре производства и занятости.

Даже поверхностный анализ исторической статистики позволяет увидеть наличие связи среднедушевого ВВП с изменениями в социальной и политической организации общества.

Можно попытаться оценить то, насколько подтвердились жизнью другие тезисы («законы» исторического развития), сформулированные К. Марксом:

- он правильно оценил характерные для современного экономического роста изменения в производстве и социальной структуре и динамичный характер общества на этом этапе развития и показал, что социально-экономические институты не остаются неизменными, постоянно развиваются. Опыт XIX–XX вв. это подтвердил;

- он показал, что между производственными отношениями и развитием производительных сил есть не только прямая, но и обратная связь, что возможны ситуации, когда сложивши-

¹²¹ «Не стоит недооценивать потенциальное влияние целостной теории Маркса в эпоху, когда массы потерявших надежду людей начинают поиск единого мировоззрения, на которое можно опереться в борьбе за улучшение своих экономических перспектив. Периоды экономического подъема не способствуют серьезным размышлениям. Зато кризисы пробуждают мыслительные способности и плодят одержимость. В какой бы форме ни возродился марксизм – а этого не избежать, – он предложит гораздо более мощные объяснения политических проблем капитализма в развивающихся и бывших социалистических странах, чем капиталистические мыслители» (*Como Эриандо де. Загадки капитала. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001. С. 215–216*).

¹²² Для целей нашего анализа наиболее удобно использовать индикаторы среднедушевого ВВП, рассчитанные А. Мэддисоном за почти двухсотлетний период (*Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995*). Следует также учитывать, что и у лучшего показателя ВВП, как и у любого другого, есть недостатки и ограничения (см. об этом ниже, в гл. 9).

еся производственные отношения становятся тормозом в развитии производства. Современные неоинституционалисты называют это институциональными ловушками.

В то же время Маркс переоценил возможность прогнозирования развития человеческого общества в условиях современного экономического роста, не понял, да и не мог понять, располагая доступной ему информацией, насколько этот процесс нестационарен, какими непредсказуемыми и резкими могут быть изменения, казалось бы, устойчивых, проверенных опытом тенденций, характерных для стран-лидеров.

Как справедливо отмечает Дж. Б. Делонг, история прошлого столетия в отличие от всей предшествующей истории человечества – это в первую очередь экономическая история ¹²³. А. Мэддисон пишет, что, если исключить работы К. Маркса и Й. Шумпетера, круг серьезных исследований, посвященных экономическому росту во второй половине XIX – началесередине XX в., крайне ограничен.

Возможно, это связано с тем, что историки и экономисты, которые пытались анализировать развитие капитализма на его ранних стадиях, не могли воспользоваться плодами революции в исторической статистике. Ее совершили труды С. Кузнеца, разработавшего современную систему национальных счетов и стимулировавшего реконструкцию исторической статистики в странах – лидерах современного экономического роста ¹²⁴.

Работы С. Кузнеца, М. Абрамовича, А. Мэддисона, Р. Барро, основанные на обширной социально-экономической и демографической статистике, которой при Марксе не было, убедительно показывают ключевую роль технологического прогресса (развития производительных сил – по К. Марксу) в трансформации социальных структур и социальных отношений. Эти исследования позволили вскрыть устойчивые, хотя и не жестко детерминированные связи между уровнем производства, структурой занятости, способом расселения, демографическими данными, развитием образования, показателями здоровья нации ¹²⁵. Используя ту же методологию, политологи продемонстрировали зависимость между уровнем экономического развития и политической организацией общества ¹²⁶.

С. Кузнец и его последователи анализировали траектории, по которым шло развитие стран – лидеров современного экономического роста. Х. Ченери и М. Сиркин пришли к сходным выводам, изучив статистику по совокупности стран, пребывавших в 1950–1970-х годах на разных уровнях развития. Их работы позволяют продемонстрировать, как в условиях современного экономического роста этот уровень связан с социальноэкономическим состоянием общества ¹²⁷.

Подтверждение роли производительных сил в формировании институтов современного общества – сближение институтов развитых стран. Можно говорить об их конвергенции. Между протестантской Великобританией, католической Францией, конфуцианской Японией больше общего в характере производительных сил, соответствующих им формах экономических и политических отношений, чем при сравнении каждой из этих стран с другими, более

¹²³ DeLong J. B. The Shape of Twentieth Century Economic History // NBER. Working Paper 7569. 2000. P. 1.

¹²⁴ Kuznets S. Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread. New Haven; London: Yale University Press, 1966.

¹²⁵ Kuznets S. Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread; Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001; Idem. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OESD, 1995; Abramovitz M. Thinking About Growth and Other Essays on Economic Growth and Welfare. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Barro R. f. Determinants of Economic Growth. A Cross-Country Empirical Study // NBER. Working Paper 5698.

¹²⁶ Lipset S. M. Political Man. The Social Basis of Politics. New York: Doubleday, 1960; Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Twentieth Century. Norman; London: University of Oklahoma Press, 1993; Diamond L. Economic Development and Democracy Reconsidered // Marks G., Diamond L. (eds) Reexamining Democracy. London: Sage Publications, 1992; Vanhonen T. Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries. London; New York: Routledge, 1997.

¹²⁷ Chenery H., Robinson S., Syrquin M. Industrialization and Growth. A Comparative Study. Oxford: Oxford University Press, 1986; Chenery H., Syrquin M. Patterns of Development 1950–1970. Oxford: Oxford University Press, 1975.

близкими им в культурно-историческом или религиозном отношениях, но находящимися на более низком уровне развития. Другое дело, что процессы институциональной конверсии длительны и не прямолинейны.

Для С. Кузнеця в его анализе социально-экономической динамики характерно стремление абстрагироваться от роли общественных институтов в экономическом развитии. Главным в его работах остается вопрос: какие взаимосвязанные изменения в экономике и обществе сопровождают экономический рост? А почему в тех или иных странах они происходят быстрее или, напротив, медленнее, он, как правило, не обсуждает.

Группа исследователей, объединенных неоинституционалистским подходом к анализу развития национальных экономик и всей экономической истории, сделала упор именно на последнюю проблему. В центре внимания Д. Норта и его коллег стоит вопрос, как институты ¹²⁸ (по Марксу – производственные и общественные отношения) влияют на экономический рост и социальное развитие, какие факторы определяют их эволюцию, в каких случаях может формироваться система институтов, препятствующих экономическому развитию. Отвечая на него, Д. Норт приходит к выводу: важнейший фактор, определивший формирование такой системы, – противоречие интересов государства и общества. Отсюда шаг до другого вывода: социальная революция – предпосылка для трансформации производственных отношений, крушения элит, препятствующих формированию новой системы институтов. Д. Норт пишет: «Хотя значительный объем работ был проделан для анализа истории технологии и ее связи с экономическими результатами, обычно эти работы оставались вне основного тела экономической теории. Исключением были работы К. Маркса, который пытался объединить технологические изменения с институциональными изменениями. Представления Маркса, которые связывали изменения производительных сил (под которыми он обычно имел в виду технологию) с производственными отношениями (под которыми он имел в виду элементы организации общественной деятельности и особенно право собственности), были первой попыткой объединить технологические ограничения и ограничения, связанные с организацией человеческих отношений» ¹²⁹. Из другой работы Д. Норта: «Марксистская схема анализа дает наиболее сильное средство исследователям именно потому, что она включает те элементы, которые отсутствуют в неоклассической традиции: институты, права собственности, государство, идеологию. Тезисы Маркса о критической роли прав собственности в эффективной экономической организации и роли противоречий между существующими правами собственности и производственными возможностями, создаваемыми новыми технологиями, являются его фундаментальным вкладом в исследование экономической теории» ¹³⁰. Несмотря на то что неоинституционалисты подчеркнуто дистанцируются от наследия К. Маркса, их взгляды на экономическое развитие очевидно близки к марксистским ¹³¹.

Как отмечал Ф. Бродель, «...гений Маркса, секрет притягательности его идей лежит в том, что он был первым, кто сконструировал социальные модели, ориентирующиеся на долгосрочное развитие. Но эти модели были слишком простыми и неизменными. Им придали силу закона и начали использовать как готовые автоматические объяснения процессов, протекающих в любом месте и в любом обществе... Именно это в последнее столетие ограничило эффективность использования самых сильных средств анализа социальных процессов» ¹³².

¹²⁸ «Институты – правила игры в обществе или, более формально, формы созданных людьми ограничений, которые формируют взаимодействие индивидуумов» (*North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 3*).

¹²⁹ *North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. P. 132.*

¹³⁰ *North D. C. Structure and Change in Economic History. New York; London: W. W. Norton & Company, 1981. P. 61.*

¹³¹ На это обращает внимание Р. Камерон (см.: *Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М.: РОССПЭН, 2001. С. 23, 24*).

¹³² *Braudel F. History and the Social Sciences. Economy Society in Early Modern Europe. London: Routledge and Kegan Paul,*

Основоположник марксизма был убежден, что закономерности, которые он наблюдал с середины XIX в. в Англии, имеют общий характер и в дальнейшем не только сохранятся, но и будут усиливаться¹³³. Марксова теория прибавочной стоимости, которая сегодня кажется столь архаичной и оторванной от жизни, неплохо описывала известные его современникам реалии аграрных и раннеиндустриальных обществ. Й. Шумпетер утверждал, что теория прибавочной стоимости Маркса неправильна, но гениальна¹³⁴.

Острый классовый конфликт — очевидная реальность Англии во время создания «Манифеста Коммунистической партии» — положен в основу концепции классовой борьбы как важнейшего процесса мировой истории. И Маркс предсказал обострение этой борьбы. Социальная дезорганизация, присущая ранним этапам индустриализации, превращается у него в закон абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме. Тенденцию концентрации зарождающегося капитала он объявляет общим законом развития капитализма.

Располагая сегодняшним опытом, мы должны осторожнее подходить к анализу долгосрочных закономерностей и взаимосвязей социально-экономического развития. Историческая практика показала, насколько динамичен и нестационарен современный экономический рост, как опасно прогнозировать грядущие экономические и политические события и процессы в странах-лидерах. Не случайно даже в самых интересных работах, посвященных долгосрочным тенденциям социальноэкономического развития, последние разделы, содержащие анализ настоящего и прогнозы на будущее, выглядят слабее других, менее убедительно¹³⁵. Лишь историческая дистанция позволяет адекватно оценивать происходящее сегодня.

Вопреки представлениям К. Маркса и его последователей на одном и том же уровне развития производительных сил исторически долгое время могут сосуществовать радикально отличающиеся друг от друга системы экономических и социальных институтов. Однако в странах с разными институциональными и культурными традициями на близких уровнях развития наблюдаются схожие структурные перемены, встают одни и те же проблемы. Поэтому на вопрос, который сформулирован в конце первой главы, можно ответить так: опыт XX в. не дает оснований отказываться от апробированного метода анализа долгосрочных проблем. Те, кто исследовал и анализировал их в начале XX в., считали его естественным и добротным. Учтем их мнение. Изучая отечественные реалии, не станем отмахиваться от опыта стран — лидеров современного экономического роста, проблем, которые возникали в процессе их развития.

1972. P. 38, 39.

¹³³ «Если бы Энгельс и Маркс подождали десять лет — до того времени, когда признаки экономического прогресса и существенного роста реальной заработной платы станут очевидны, трудно предположить, что „Положение рабочего класса в Англии“ и „Манифест Коммунистической партии“ были бы написаны» (*Hayek F. A. Capitalism and the Historians. The University of Chicago Press, 1954. P. 91*).

¹³⁴ *Schumpeter J. Economic Doctrine and Method. London: George & Unwin LT D, 1954. P. 57.*

¹³⁵ *Kuznets S. Economic Growth and Structure. New York: W. W. Norton & Company. Ink, 1965; Idem. Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread; Maddison A. Dynamic Forces in Capitalist Development; Idem. Phases of Capitalist Development. Oxford; New York: Oxford University Press, 1982; Idem. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001.*

Глава 3

Общее и особенное в современном экономическом росте

В истории цивилизации, как и в человеческой жизни, детство имеет решающее значение. Оно во многом, если не во всем, предопределяет будущее.

Ж. Ле Гофф ¹³⁶

До войны были коллективистские мечты. После нее – коллективистские проекты, которые превратились в коллективистские кошмары.

А. фон Хайек ¹³⁷

В просто устроенном мире К. Маркса экономическое развитие выглядит линейным процессом: менее развитые страны следуют по пути, пройденному странами более развитыми. Как отмечалось выше, К. Маркс и Ф. Энгельс никогда не понимали это буквально. Многие места в их работах демонстрируют, что они допускали те или иные отклонения в национальных траекториях развития. Но речь могла идти о деталях, пусть даже и существенных. В исторической реальности социально-экономическая трансформация стран, включившихся в процесс современного экономического роста, оказалась нелинейной и многомерной ¹³⁸. Есть много параметров, которые влияли и будут влиять на траектории национального развития.

Для ясности картины выделим четыре важнейшие оси координат, определяющие экономическую динамику.

1. *Историческое время.* На каком этапе развития находится мировая экономика в тот момент, когда страна вступает в процесс современного экономического роста?

2. *Доминирующая идеология.* Как она влияет на государственную политику и национальные стратегии развития?

3. *Отставание от лидеров.* Насколько велика дистанция, отделяющая рассматриваемую страну от самых развитых стран?

4. *Влияние традиций.* Как социально-культурные и институциональные установления, унаследованные со времени аграрных цивилизаций, воздействуют на траектории развития в индустриальную и постиндустриальную эпохи?

Воспользуемся данными научной литературы о средних по странам мира параметрах ¹³⁹, которые показывают связь между уровнем экономического развития и основными характеристиками общества – хозяйственными, социальными, демографическими, политическими, и проанализируем, как отклоняются национальные траектории развития от среднемировых по каждой из четырех важнейших осей координат.

¹³⁶ Жак Ле Гофф род. в 1924 г. – французский историк, специалист по Средним векам. Исследует зарождение Европы и общей для европейцев идентичности в Средние века, придерживается концепции Средневековья как особой цивилизации, отличной как от античной, так и от новоевропейской. – *Прим. ред.*

¹³⁷ Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) – австрийский экономист и философ, представитель новой австрийской школы, идеолог либерализма и свободного рынка. Лауреат Нобелевской премии по экономике (1974). – *Прим. ред.*

¹³⁸ См. одну из интересных работ, посвященных специфике траекторий экономического развития, их отклонению от траектории стран-лидеров: Morris C., Adelman I. Nineteenth-Century Development Experience and Lessons for Today // World Development. Vol. 17 (9). 1989. P. 1417, 1432.

¹³⁹ Chenery H., Robinson S., Syrquin M. Industrialization and Growth. A Comparative Study. Oxford: Oxford University Press, 1986; Chenery H., Syrquin M. Patterns of Development 1950–1970. Oxford: Oxford University Press, 1975.

3.1. Историческое время

Вступая в эпоху радикальных перемен, связанных с современным экономическим ростом, страны-лидеры трансформируют собственную социально-экономическую структуру и в то же время диктуют условия развития остальному миру. Их возрастающая экономическая, финансовая и военная мощь заставляет отстающие государства либо отказаться от национальной независимости, став колониями или полуколониями, либо вырабатывать стратегии, необходимые для запуска современного экономического роста.

На разных этапах своего развития страны – лидеры современного экономического роста сталкиваются с вызовами меняющегося мира. Это вынуждает их трансформировать важные параметры своих социально-экономических систем. Такие изменения, в свою очередь, накладываются на динамично трансформирующуюся картину устройства мировой экономики, товарных и финансовых рынков, задают условия, к которым вынуждены приспосабливаться страны догоняющего развития. Даже в близких по размеру душевого ВВП странах интеграция в мировой рынок, таможенная защита отечественной промышленности, условия функционирования рынка капитала, допустим, в 1900, 1950 и 2000 годах, принципиально различны.

В развитии мировой экономики при современном экономическом росте можно выделить три больших периода.

Первый охватывает время с начала 1820-х годов до 1914 года. В течение полувека, до 1870-х годов, рост мирового производства концентрируется в основном в Западной Европе и странах, основанных европейскими колонистами. Затем процесс ускоряется, в него вовлекаются неевропейские страны, в первую очередь Япония. Мировая торговля растет высокими темпами, заметно опережая рост экономики. Формируется интегрированный рынок капитала, основанный на золотовалютном стандарте с доминирующей ролью фунта стерлингов как мировой валюты. Возникает открытый рынок рабочей силы, растет масштаб международной миграции.

Ведущие мировые державы прямо ограничивают права зависимых и полузависимых стран на проведение собственной таможенной политики, стремятся захватить их рынки. На начальной фазе индустриализации все активно применяли тарифную защиту своей промышленности. Германия, Италия, Япония, Россия прибегали к стратегии импортозамещающей индустриализации. Это порождало настоящую тарифную борьбу: принятие Германией в 1879 году протекционистского тарифа ¹⁴⁰ вызвало ответ со стороны Франции в 1881–1892 годах. Россия и США в это время тоже придерживались протекционистской политики. Во второй половине XIX в. импортные тарифы США достигают 40–45 % ¹⁴¹.

Независимые страны активно используют протекционистские меры, чтобы защитить формирующиеся отрасли промышленности от конкуренции со стороны товаров, производимых в странах-лидерах, в первую очередь в Англии. Последняя, в свою очередь, навязала свободу торговли Индии и другим колониям, а также многим странам, формально не входившим в Британскую империю, – Китаю, Персии, Таиланду, Турции. По соглашениям, которые американцы вынудили подписать Японию, ее импортные тарифы не могли превышать 5 %.

ТАБЛИЦА 3.1

¹⁴⁰ «Германия была первой крупной европейской страной, которая внесла серьезные изменения в свою таможенную политику, введя новый тариф в июле 1879 г. Так же как англо-французский договор 1860 г. был началом периода свободной торговли в Европе, новый германский тариф ознаменовал собой его завершение и постепенный возврат к протекционизму на континенте» (*Bairoch P. Economics & World History. Myths and Paradoxes. University of Chicago, 1995. P. 24*).

¹⁴¹ Ibid. P. 35, 40.

Некоторые показатели, характеризующие экономические отношения Великобритании и Индии в колониальный период (1868–1930 гг.)

Период	Профицит торгового баланса Индии, % от чистого внутреннего продукта Великобритании
1868–1872	1,3
1911–1915	1,2
1926–1930	0,9

Источник: *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001. С. 87.*

В таких условиях способность государства проводить независимую тарифную политику, поддерживать новые отрасли экономики становилась предпосылкой сохранения национального суверенитета. Напротив, утрата суверенитета означала принудительное открытие внутреннего рынка для конкуренции товаров, производимых в странах-лидерах.

То, в какой степени создание колониальных империй, дорогу к которым проложило военное и финансовое превосходство уходящей вперед Западной Европы над другими регионами мира, сказалось на экономическом и социальном развитии стран, ставших колониями и полуколониями, утративших суверенитет, – предмет длительной дискуссии, в которой субъективизм неизбежен. Те, кто отстаивает благотворное влияние колониального наследия, обычно упоминают созданную инфраструктуру, повышение уровня образования, подготовленные кадры, оставленные в наследство законодательство и демократические институты. Те, кто говорит о его негативном влиянии, обращают внимание на длинную историю дискриминации по национальному признаку, разрушение основ промышленности под влиянием конкуренции товаров, произведенных в метрополии, невозможность проводить самостоятельную внешне-торговую и промышленную политику, финансовые выплаты в пользу метрополии (табл. 3.1) ¹⁴².

Даже если признать некоторое смягчение колониального режима на протяжении XX в., трудно отрицать то, что мир XVIII–XIX вв. отнюдь не был проникнут духом сострадания к слабым, а жил по принципу «горе побежденным». История правления англичан в Индии с характерными для нее запретами для тех, у кого индийское происхождение, работать на государственной службе, высокими пошлинами на импорт индийского текстиля в Англию при снятии всех ограничений на ввоз английского текстиля в Индию, с насильственным внедрением собственных институтов, с превращением наследственных сборщиков налогов (заминдаров) в собственников земли – все это свидетельство того, что утрата национальной независимости была серьезной угрозой.

Для времени, когда наращивающий экономическую, финансовую и военную мощь Запад со всей очевидностью уходил вперед, создавая угрозу для своих ближних и дальних соседей, когда страх перед ним подталкивал к самым своеобразным с точки зрения исторического опыта импровизациям, позволяющим избежать той же трансформации, которую пережила и переживает Западная Европа, характерны слова известного и влиятельного российского философа К. Леонтьева: «Всегдашняя опасность для России – на Западе; не естественно ли ей искать и готовить себе союзников на Востоке? Если этим союзником захочет быть и мусульманство, тем лучше... Если племена и государства Востока имеют смысл и залогом жизни самобытной,

¹⁴² *Rawlinson H. G. The British Achievement in India. London; Edinburgh; Glasgow: William Hodge & Company, Limited, 1948; Gopal R. British Rule in India: An Assessment. London: Asia Publishing House, 1963.*

за которую они каждый в свое время проливали столько своей крови, то Восток встанет весь *заодно*, встанет весь оплотом против безбожия, анархии и всеобщего огрубения»¹⁴³.

В. Ленин был прав, когда говорил о неравномерности развития как об одном из источников кризисов современного ему капитализма. Неспособность ключевых участников мирового политического процесса в конце XIX – начале XX в. адаптироваться к реальности подъема экономической и военной мощи Германии, Японии и США была одной из важнейших причин мировых катаклизмов 1914–1945 годов.

Проявляются два фактора, которые подтачивают основы стабильности мирового порядка. Один из них – снижение доли Англии, страны-лидера, финансового центра мировой экономики, в мировом ВВП международных финансах, падение ее военной мощи по отношению к конкурентам. К концу XIX в. развитие других крупных держав, в первую очередь Германии и США, вступивших на путь современного экономического роста позже Великобритании, делает неизбежным переустройство англоцентричной цивилизации. Несиловых механизмов для этого не находится. Это подталкивает мир к двум глобальным войнам¹⁴⁴.

Второй фактор – назревающий кризис золотовалютного стандарта. Эта система, укоренившаяся в Англии с конца XVII в., позволяла поддерживать долгосрочную стабильность фунта стерлингов. Его золотое обеспечение, которое отменяли лишь во время крупных войн, а затем восстанавливали при сохранении довоенного паритета к золоту, позволило Англии играть роль мирового финансового гегемона, задавало международные стандарты ответственной денежной политики. Стабильность английской валюты стала важнейшей предпосылкой развития финансового рынка и самого современного экономического роста.

Золотовалютный стандарт был образцом для подражания в денежной политике других государств. В конце XIX в. две крупные страны догоняющего развития – США и Россия – одна за другой проводят денежные реформы, направленные на введение золотовалютного стандарта. Привлекательность этой системы в том, что уровень номинированных в золоте цен привязан к мировым запасам драгоценного металла, которые стабильны и существенно изменяются лишь из-за открытия новых крупных золотых месторождений, что случается нечасто. Она делает денежную политику независимой от правительств, склонных под давлением финансовых проблем идти на злоупотребления и махинации, создавать избыточную ликвидность, подрывать стабильность национальной валюты. Эти преимущества золотовалютного стандарта особенно важны для первого периода современного экономического роста, когда мировое производство развивается еще относительно низкими темпами при стабильности мировых запасов золота.

На ранних стадиях современного экономического роста возникает объективная проблема: добыча золота может не обеспечить увеличения его мировых запасов до размеров, соответствующих росту мирового ВВП, а дефицит золота способен спровоцировать общее падение цен – явление для рыночной экономики потенциально опасное. Однако при гибко изменяющейся в сторону понижения номинальной заработной плате дефляция не страшна. В конце 70-х годов XIX в. введение золотого стандарта в США прошло на фоне снижения цен и не вызвало серьезного роста безработицы¹⁴⁵.

В дальнейшем в странах – лидерах современного экономического роста в условиях роста влияния профсоюзов, введения всеобщего избирательного права ситуация в сфере трудовых отношений меняется: на снижение спроса и цен работодатели отвечают не сокращением номи-

¹⁴³ Леонтьев К. Восток, Россия и славянство: Сб. статей. Т. 1. М., 1885. С. 17, 28.

¹⁴⁴ Конфликты Англии с Францией и Россией в колониальных вопросах на протяжении конца XIX – начала XX в. были острее, чем ее же конфликты с Германией или Японией. Однако именно динамичный рост экономической, финансовой и военной мощи последних стал важнейшим фактором дестабилизации баланса сил в мире, проложившим дорогу кризису мирового развития 1914–1945 гг., двум мировым войнам.

¹⁴⁵ Friedman M., Schwartz A. J. A Monetary History of the United States 1867–1960. Princeton: Princeton University Press, 1963.

нальной заработной платы, а снижением уровня занятости ¹⁴⁶. Это увеличивает потенциальные издержки дефляции. При высоких темпах глобального развития и невозможности точно прогнозировать предложение монетарного золота привязка основных мировых валют к золотому запасу порождает постоянную угрозу дефляционного кризиса.

Второй период развития мировой экономики в условиях современного экономического роста приходится на 1914–1950 годы. Это время глубокого кризиса: две мировые войны, экономические потрясения конца 20-х – начала 30-х годов, спровоцированные многими факторами, в числе которых и кризис золотовалютного стандарта. Снижаются темпы роста мировой торговли и ее доли в ВВП, растет протекционизм, широкое распространение получают запрительные тарифы. Все это прокладывает дорогу торговым войнам, конкурентной девальвации национальных валют, приводит к свертыванию мирового рынка капитала, широкому распространению ограничений на валютные операции.

Движение в сторону протекционизма не было универсальной чертой этого периода. П. Байрох обращает внимание на попытки вернуться к более либеральному торговому режиму в 1927–1928 годах. Но после введения США в июне 1930 года протекционистского тарифа уровень таможенных пошлин в мире достигает беспрецедентной высоты. К концу 1931 года 25 ведущих участников международной торговли в ответ повышают свои пошлины на американскую продукцию ¹⁴⁷. Пошлины на продукцию обрабатывающей промышленности составляют в среднем 45–50 % и превышают предшествующий пик 1891–1894 годов на 5–10 %. За 3 года (1929–1932) объем мировой торговли сократился номинально на 70 %, в реальном выражении – на 25 % ¹⁴⁸.

Поворот к протекционизму, ограничению торговли, закрытию рынков капитала, обусловленный экономическими проблемами стран-лидеров, меняет условия развития для стран догоняющей индустриализации. Те из них, которые в предшествующий период ориентировались на интеграцию в мировой рынок и имели высокую долю внешней торговли в ВВП, оказываются в наиболее сложном положении. Когда страны-лидеры играют по протекционистским правилам, развитие на основе политики свободной торговли оказывается малопродуктивным. Успех приносят другие стратегии: ориентация на автаркию, закрытие рынка, государственное регулирование экономики. При этом сталинская индустриализация сопровождалась масштабным экспортом зерна и импортом машин и оборудования и в целом основывалась на политике автаркии ¹⁴⁹. Для правительств многих развивающихся стран на долгие десятилетия она стала образцом для подражания.

С конца 40-х – начала 50-х годов глобальная экономика вступает в следующую фазу развития. Завершение Второй мировой войны дало возможность Западной Европе и Японии использовать накопленный в США технологический потенциал. В современный экономический рост включаются многие развивающиеся страны, на долю которых приходится до 2/3 населения и 3/4 ВВП «третьего мира». Это в первую очередь Китай и затем Индия. Среднегодовые темпы роста душевого ВВП развивающихся стран повышаются с 0,4–0,6 % в 1900–1938 годах до 2,6–2,8 % в 1950–2001 годах. Теперь их темпы вдвое выше, чем те, которые демонстрировали в XIX в. страны-лидеры ¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Eichengreen B. *Globalizing Capital a History of the International Monetary System*. Princeton: Princeton University Press, 1996.

¹⁴⁷ Bairoch P. *Economics & World History. Myths and Paradoxes*. P. 3–15.

¹⁴⁸ Dornbusch R. *A Century of Unrivalled Prosperity* // MIT Working Paper. April 1999. P. 6.

¹⁴⁹ О влиянии доминирующих условий мирового развития, в частности свертывания международной торговли, волны протекционизма, характерных для конца 1930-х гг., на выбор модели социалистической индустриализации см.: Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S. G. (eds) *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 212–214.

¹⁵⁰ См.: Мельяницев В. А. Генезис современного (интенсивного) экономического роста и проблема догоняющего и перегоняющего развития в странах Запада, Востока и России. «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности. Науч-

В течение 23 лет (1950–1973) мировая экономика демонстрирует аномально высокие среднегодовые темпы роста ВВП: 4,91 против 1,85 % в 1913–1950 годах (рост душевого ВВП составил соответственно 2,93 и 0,91 %). Международная финансовая система перестраивается на базе бреттон-вудских институтов.

Страны-лидеры извлекли уроки из предшествующего периода кризисного развития. В рамках Генерального соглашения о тарифах и торговле они предпринимают согласованные усилия по снижению уровня тарифной защиты, либерализации мирового рынка, отказываются от прежней политики, направленной на жесткое ограничение тарифного суверенитета менее развитых стран; они признали свою ответственность за либерализацию мировой торговли и предоставили развивающимся странам широкие права на таможенную защиту. Средний таможенный тариф в странах ОЭСР снижается с почти 11 % в 1950 году до 6 % в конце XX в. Еще более разительными оказываются эти перепады по отдельным странам – членам ОЭСР (табл. 3.2).

Ограничения валютных операций, которые были введены на предшествующем этапе, отменяются. Восстанавливается конвертируемость валют стран – лидеров экономического роста сначала по текущим, а затем и по капитальным операциям.

Для новой волны глобализации характерны существенно более низкие торговые барьеры, чем до начала Первой мировой войны. Однако ограничение миграционных потоков становится жестче, а доля экспорта капитала в ВВП уменьшается ¹⁵¹. Еще одно отличие глобального мира конца XX в. от предыдущего периода современного экономического роста: мировая денежная система уходит от золотовалютного стандарта. Последние связи обрываются в 1971 году, когда США отказались обменивать на золото американские доллары, предоставленные им иностранными центральными банками. Теперь большая часть денежных расчетов базируется на бумажных валютах с плавающим курсом ¹⁵².

ТАБЛИЦА 3.2

Отношение таможенных сборов к объему импорта (2002 г. – средний таможенный тариф) в странах ОЭСР, %

ная конференция ИМЭМО РАН, ИСА А при МГУ, 12–14 апреля 2004 г. М.: Гуманитарий, 2004.

¹⁵¹ Lucas R. Why Doesn't Capital Flow from Rich to Poor Countries? // The American Economic Review. Vol. 80 (2). May 1990. P. 20.

¹⁵² В данном контексте европейский денежный союз рассматривается в качестве единого целого.

Страна	Год			
	1950 ¹	1970 ¹	1990 ¹	2002
Австралия	17,2	11,0	6,8	4,7 (2001/2) ³
Германия	5,3	2,6	1,2	4,1 (ЕС) ³
Испания	16,3	6,8	3,6 ²	4,1 (ЕС) ³
Канада	9,3	5,8	2,8	4,2 ³
Новая Зеландия	19,0	12,5	4,2	3,3 (1993)
США	4,5	6,0	3,3	4,4 (2001) ³
Турция	15,0	44,6	5,7	4,9 (1992)
Франция	14,0	13,6	9,2	4,1 (ЕС) ³
Швеция	4,0	2,9	1,0	4,1 (ЕС) ³
Япония	1,6 (1951)	5,6	2,5	3,9 (2002/03) ³
ОЭСР	11,0	10,1	4,9	6,4 (2000)

Источники:

1 Расчеты ИЭПП на основе: *Mitchell B. R. International Historical Statistics 1750–1993*, Macmillan Reference LTD, 1998 (как отношение таможенных сборов к импорту).

2 Расчеты ИЭПП на основе: *United Nations Common Database, UN* (как отношение собранных импортных пошлин к импорту).

3 Средний таможенный тариф в странах ОЭСР, %. Данные World Trade Organization, Annual Report by the Director-General, 15 November 2002 (<http://www.wto.ru>).

ТАБЛИЦА 3.3

Среднегодовые темпы роста мировой торговли по периодам, %

	Годы			
	1870–1913	1914–1950	1951–1973	1974–2000
Мировой экспорт	3,4	0,9	7,9	5,28

Источники: *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001. P. 265, 362 (за период с 1870 по 1998 г.); *World Development Indicators 2003*. World Bank.

ТАБЛИЦА 3.4

Средняя доля экспорта в ВВП для стран ОЭСР в 1961–2000 гг., %

	Годы			
	1961–1970	1971–1980	1981–1990	1991–2000
Средняя доля экспорта	23,59	28,13	33,8	37,66

Источник: Расчеты ИЭПП на основе данных *World Development Indicators 2003*. World Bank.

Перемены в глобальной экономике радикально трансформируют условия, в которых странам догоняющего развития приходится вырабатывать национальные стратегии роста. В середине XX в. еще сильно влияние прежних тенденций в мировом развитии – протекци-

онизма, свертывания мировой торговли. Поэтому столь популярна концепция импортозамещающей индустриализации, ориентированной на тарифную защиту промышленности, закрытие внутреннего рынка, государственный активизм. И только постепенно становится ясно, что ситуация в мире изменилась. Все более отчетливо проявляется, становится устойчивой тенденция к экспансии мировой торговли, открытию рынков, в том числе рынков стран-лидеров. Это предоставляло догоняющим странам возможность избрать новую стратегию, ориентированную на увеличение экспорта, интеграцию в мировую экономику. Что же касается старой – импортозамещающей – индустриализации, то она оказывается прямым путем к хроническим кризисам и нестабильности, особенно когда национальная элита не способна вовремя сменить курс экономической политики ¹⁵³.

Страны-лидеры задают следующим в их фарватере государствам не только глобальные условия торговой и финансовой организации мира, но и идеологические ориентиры, используемые при выработке и проведении социально-экономической политики, формы государственных институтов. Как справедливо отмечал Дж. Кейнс, «идеи экономистов и политических философов, и когда они правильны, и когда они неправильны, оказывают большее влияние на мир, чем это обычно понимают. Мало что в такой степени управляет миром» ¹⁵⁴.

3.2. Доминирующая идеология

После краха Римской империи Западная Европа не стала единым государством, но многие аспекты культуры, обмен идеями, институциональные инновации – все это сближало западноевропейские народы, стимулировало интеграционные процессы ¹⁵⁵.

Предпосылки к началу современного экономического роста в Европе только формировались, а новая идеология, порожденная начавшейся социально-экономической и политической трансформацией, уже влияла на умы элиты, на развитие судьбоносных для европейских государств событий.

Формирование в Западной Европе установок на превосходство абсолютной монархии как формы политического устройства, которые отражали историческую реальность – укрепление государства и деградацию феодальной системы, оказало серьезное влияние на развитие России ¹⁵⁶. Характерная для Европы XV–XVII вв. тенденция к концентрации власти в руках королевских династий имела четко очерченную идеологическую основу: священное, богом данное королю право управлять подданными; абсолютная власть монарха – неотъемлемый элемент нормально организованного государства. В Англии эта тенденция сталкивается с противоположной, вырастающей из специфики английского развития, – ростом влияния и расширением прерогатив парламента ¹⁵⁷.

¹⁵³ Diaz-Alejandro C. Goodbye Financial Repression, Hello Financial Crash // Journal of Development Economics. 1995. Vol. 19. P. 21; Bhagwati J. The Wind of the Hundred Days. How Washington Mismanaged Globalization. Cambridge; Massachusetts; London: The MIT Press, 2000. P. 45, 143, 348; Idem. A Model for Going Backwards // Times Literary Supplement. August 8. 1997. P. 11, 12.

¹⁵⁴ Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan and Co, 1936. P. 383.

¹⁵⁵ Jones E. L. The European Miracle. Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1981. P. 5.

¹⁵⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 250, 251.

¹⁵⁷ Яков I еще до вступления на английский трон написал (если быть точным – подписал; истинным автором текстов, по видимому, был итальянец А. Джентели) два трактата – «Царский дар» и «Истинный закон свободной монархии», в которых явно видно влияние преобладающих на континенте в то время абсолютистских идей. Эти трактаты неплохо продавались в континентальной Европе (Sommerville J. P. Politics and Ideology in England 1603–1640. London; New York: Longman, 1995. P. 46, 47). Положение английского короля казалось ему странным: «Удивляюсь, – говорил он о парламенте испанскому послу Гондомару, – как мои предки допустили такое учреждение». Он не понимал, почему короли Франции, Дании, Испании могут устанавливать налоги самостоятельно, а он – лишь с согласия парламента. Уже в его правление была заложена идейная база конфликта, впоследствии переросшего в английскую революцию XVII в. В ответ на абсолютистские высказывания король в 1611 г. получил «Апологию палаты общин», где его информировали: «Великое заблуждение думать, что привилегии парла-

С началом современного экономического роста, подъема европейской экономики, глобализации мирового исторического процесса усиливается влияние доминирующих идеологических установок на государственную политику и национальные стратегии развития. Отчетливо выделяются три периода, во время которых господствовали принципиально разные идеологии. Первый начинается после английской революции XVII в. Конституционная монархия, парламент, подотчетное ему правительство, гарантии прав собственности и личности, развитие рынков, технологические новации, английская система сельского хозяйства – все это вызывает восхищение у современников, стремление повторить в странах континентальной Европы опыт островного государства. Известно влияние британских идей на формирование взглядов Вольтера, французских просветителей XVIII в.¹⁵⁸ В работах Д. Юма и А. Смита либеральная картина мира приобретает стройность и завершенность¹⁵⁹. Теперь ясно, что необходимо сделать, чтобы добиться благосостояния нации: нужны мир, разумные законы, необременительные налоги, гарантированная от конфискации собственность, устранение барьеров на пути свободной торговли¹⁶⁰. При частных различиях эта либеральная картина доминирует в сознании европейской элиты, ориентированной на модернизацию экономики своих стран, вплоть до середины XIX в.¹⁶¹ Она же оказывает серьезное влияние на формирующуюся систему институтов, стратегию политического развития в США на рубеже XVIII и XIX вв. Влияние идеологической волны, связанной с подъемом Англии и либеральными идеями в Европе, видно на примере экономической политики Екатерины II, пытавшейся проводить в жизнь систему свободной конкуренции и ликвидировать частные монополии¹⁶². Волна либеральной идеологии охватывает мир.

мента, в частности привилегии общин Англии, принадлежат ему по королевской милости, а не по праву. Мы получили эту привилегию в наследство от наших предков...» (*Косминский Е. А., Левицкий Я. А.* (ред.) *Английская буржуазная революция XVII века. 4.1.* М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 84). О влиянии абсолютистских взглядов на организацию государства, на эволюцию политической системы в Англии см. также: *Савин А. Н.* Лекции по истории Английской революции. М.: Крафт+, 2000. С. 10, 19. Никогда точно не доказанная, но популярная в работах, посвященных английской революции, версия, связавшая провал переговоров между Карлом I и Кромвелем по вопросу о возможности и об условиях реставрации с перехваченным Кромвелем письмом короля королеве Генриетте, в котором он заверяет ее в преданности идеалам абсолютизма и обещает, вернувшись к власти, повесить мятежников (*Young G. M.* Charles I and Cromwell. An Essay. London: Rupert Hart-Davis, 1950). Хантингтон обращает внимание на роль противоречий между абсолютистскими тенденциями, характерными для континентальной Европы, и укоренившимися английскими традициями разделения властей в генезисе английской революции (*Huntington S. P.* Political Order in Changing Societies. New Haven; London: Yale University Press, 1968. P. 123). О влиянии идеологической волны, связанной с представлением о том, что абсолютная монархия является наиболее совершенной формой правления, на развитие событий в Западной Европе в XVII в. см. также: *Hatton R.* Louis XIV and Europe. London; Basingstoke: Macmillan, 1976.

¹⁵⁸ «В Европе среди тех представителей высшей знати, которые не пользуются королевским правом, нет никого, кто превосходит английских аристократов общественным влиянием, достоинством, богатством. Их владения вспахиваются свободными руками. Крестьянин, который владеет небольшим участком, берет в наем за деньги их обширные поля. Все обогащаются, но приличествующим образом: крестьянин, как того требует его скромное, но почтенное положение, дворянин, как подобает его достоинству. Между тем растут семьи крестьян, чрезвычайное изобилие числа пахарей, юноши спешат на военную службу» (*Вольтер М. Ф. А.* Рассуждения на тему, предлежащую Экономическому обществу // *Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Сб.* М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001. С. 82). То, что этот доклад, представленный на конкурс, объявленный Вольным экономическим обществом в 1766 г., принадлежит Вольтеру (Мари Франсуа Аруэ), никогда не было окончательно доказано. Конкурс (за исключением имени победителя) был анонимным. Сам Вольтер о своем участии в нем не упоминал. Но историки, исходя из очевидного сходства представленного текста с другими сочинениями Вольтера, в настоящее время практически не сомневаются в его авторстве. В. И. Семевский первым из историков установил, что авторство анонимного сочинения, посланного на конкурс под девизом «Si populus deves, Rex deves», принадлежит Вольтеру (см.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос при Екатерине II // *Отечественные записки.* 1879. № 10. Отд. 1. С. 349–400; № 11. Отд. 1. С. 201–260).

¹⁵⁹ О влиянии А. Смита и в целом либеральной идеологической волны в XVIII – первой половине XIX в. на торговую политику в Западной Европе см.: *Bairoch P.* Economics & World History. Myths and Paradoxes. P. 17–24.

¹⁶⁰ О влиянии либеральной идеологической волны на развитие событий в Европе см., например: *MacFarlane A. David* Hume and the Political Economy of Agrarian Civilization // *Burrow J. W.* (ed.) History of European Ideas. Pergamon. 27 (2001). P. 79.

¹⁶¹ Влияние английского либерализма на торговую политику в Европе в 1830–1860-х гг. ощутимо. Пруссия, Бельгия, Голландия, Швейцария, Саксония снижают импортные тарифы. Даже Россия, где они были выше среднеевропейского уровня, идет на их уменьшение.

¹⁶² См.: *Милоков П.* Очерки по истории русской культуры. 4.1: Население, экономический, государственный и сословный

С середины XIX в. ситуация меняется. На ранних этапах современный экономический рост и индустриализация вызвали социальную дезорганизацию, обнажили вопиющую бедность в городах, особенно заметную на фоне растущего производства. Появились неслыханные прежде бедствия: экономические кризисы и массовая безработица. Либеральная парадигма не позволяла ответить на вопрос, как решать эти проблемы. Политэкономы вели ожесточенный спор с лидерами рабочего движения, требовавшими принять трудовое законодательство, и настаивали на том, что этот путь бесплоден и вреден для самих рабочих ¹⁶³.

В процесс современного экономического роста вступают новые страны. По уровню развития они далеки от Англии – доминирующей промышленной державы мира. У них другие традиции. Свобода торговли для Англии выгодна, это бесспорно. Но для национальных элит отнюдь не очевидно, что страны догоняющего развития также нуждаются в свободной торговле ¹⁶⁴.

Уже на ранних этапах развития капитализма стремление сгладить социальные противоречия стимулирует создание систем социальной защиты. Это происходит в первую очередь в Германии. Вопреки предсказаниям политэкономов трудовое законодательство и защита интересов рабочих приводят не к кризису, а к ускоренному экономическому росту. Это подрывает доверие элит к либеральной парадигме, способствует формированию новой идеологической волны, в основе которой лежит представление о необходимости активного участия государства в социально-экономическом развитии, его способности решать порожденные индустриализацией проблемы общества и экономики. Носители новой идеологии неоднородны по составу, среди них политики, экономисты и философы самых разных, порой полярно различающихся взглядов – от К. Маркса до О. Бисмарка ¹⁶⁵. Но их объединяет недоверие к рыночным институтам, убежденность в том, что вмешательство государства полезно и даже необходимо для экономики и жизни общества ¹⁶⁶. К началу революции 1917 года в России влияние этой большой идеологической волны сильно ¹⁶⁷.

В России тех дней представление о том, что все общественные и экономические проблемы страны можно решить, лишь усилив вмешательство государства в экономику, в регулирование и распределение, было всеобщим; его разделяли практически все политические силы ¹⁶⁸.

строй. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1904. С. 84, 85.

¹⁶³ См.: *Туган-Барановский М.* Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб.: Право, 1914.

¹⁶⁴ Идеи о необходимости защиты молодых отраслей промышленности на раннем этапе индустриализации отражены в работах немецкой экономической школы середины XIX в. (*List F.* Das Nationale System der Politischen Oekonomie. Erster Band. Der Internationale Handel, die Handelspolitik und der Deutsche Zollverein. Stuttgart, 1941).

¹⁶⁵ «...В конце XIX в. практически каждый мыслящий человек разделял убеждение Маркса в том, что капитализм – это общество неизбежных классовых конфликтов, и, в сущности, к 1910 году большинство „мыслящих людей“, во всяком случае в Европе (а также в Японии), склонялись в пользу социализма. Величайший представитель партии консерваторов XIX в. Бенджамин Дизраэли (1804–1881) во многом разделял точку зрения Маркса на капиталистическое общество, так же как и его коллега в континентальной Европе Отто фон Бисмарк...» (*Дракер П.* Посткапиталистическое общество. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 84).

¹⁶⁶ Эта волна веры в благотворное влияние функций государства в экономике и обществе оказывает серьезное воздействие и на позицию Католической церкви. В 1891 г. папа Лев XIII публикует энциклику «Рэрум Новарум», в которой объявляет себя «папой рабочих», утверждает, что на фоне волны индустриализации и технологических достижений необходима защита трудящихся от бесчеловечных условий и более равномерное распределение собственности (см.: 100 лет социального христианского учения. М.: МП «Останкино», 1991. С. 6–24).

¹⁶⁷ О влиянии большой идеологической волны, порожденной современным экономическим ростом и связанной с дирижистскими и социалистическими идеалами, уверенностью во всевластии государства и пользе государственного активизма, на развитие событий в России в начале XX в. см.: *Май В.* Реформы и догмы. 1914–1929. М.: Дело, 1993.

¹⁶⁸ «Наши либералы и прогрессисты в своем преобладающем большинстве суть отчасти культурные и государственно-просвещенные социалисты, т. е. выполняют в России – стране, почти лишенной соответствующих элементов в народных массах, функцию умеренных, западноевропейских социалистов, отчасти же – полусоциалисты, т. е. люди, усматривающие идеал в половине отрицательной программы социализма, но не согласные на полное его осуществление» (*Франк С. Л.* DE PROFUNDIS // Из глубины: Сб. статей о русской революции. Paris: Ymca-Press, 1967. С. 320–321).

Великие революции имеют немало сходных черт и механизмов развития ¹⁶⁹. Однако есть и кардинальные отличия. Реакция политических элит, их ответ на революционные вызовы во многом определяются той идеологической волной, которая господствует в мире в период той или иной революции. Во времена Великой французской революции доминировала либеральная волна, в 1917–1922 годах, когда в России после революционных событий шла Гражданская война, – волна дирижистская ¹⁷⁰.

Идеологическая волна, поднявшаяся на этапе индустриализации, связавшая нарастание социальных проблем с капитализмом и индустриализацией, предлагающая в качестве панацеи расширение функций государства в экономике вплоть до полной ликвидации рыночных механизмов, оказала непосредственное влияние на формирование политического и экономического режима в России и Китае после двух крупнейших революций XX в. Опыт Великой депрессии и советской индустриализации серьезно повлиял на формирование экономической политики многих стран догоняющего развития в послевоенный период ¹⁷¹.

Не остались в стороне и страны-лидеры. В Великобритании в 1945 году пришло к власти правительство лейбористов с развернутой программой национализации и завоевания государством командных высот в экономике ¹⁷². В конце 1940-х годов правоцентристы ФРГ – христианские демократы – принимают программу, где декларируется, что капиталистическая система не соответствует национальным и социальным интересам немцев, поскольку не дает возможности взять под контроль командные высоты в экономике и ввести централизованное планирование ¹⁷³.

С конца 70-х – начала 80-х годов XX в. ситуация еще раз меняется. Страны – лидеры экономического роста вступили в постиндустриальную стадию развития. Стало очевидным, что в условиях высокоразвитого постиндустриального общества есть предел перераспределению средств с помощью налогов и бюджетов. Финансовые проблемы лидеров обостряются, повышаются темпы инфляции. Негативное влияние избыточного государственного регулирования на экономическое развитие выходит на поверхность.

В социалистических странах темпы роста экономики падают, социалистическая система перестает быть образцом для подражания. В условиях постиндустриального мира и глобальной экономики тезис о позитивном влиянии государственной промышленной политики и тарифной защиты внутреннего рынка на ускорение экономического роста становится все более спорным. Поднимается новая большая идеологическая волна: очередной поворот к либерализму, к ограничению роли государства в экономике, к развитию рыночных механизмов и свободе торговли. И то обстоятельство, что крах социализма в СССР и новая революция в России начала 90-х годов XX в. пришлось на время подъема этой волны, серьезно повлияло на формирование новой мировой идеологии.

¹⁶⁹ См.: *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.

¹⁷⁰ «Идеи Юма, Вольтера, Смита и Канта создали либеральную традицию XIX в. Идеи Гегеля, Конта, Фейербаха и Маркса создали базу тоталитаризма XX в.» (*Hayek F. A. The Counter Revolution of Science: Studies on the Abuse of Reason.* Glencoe, Ill: The Free Press, 1952. P. 206).

¹⁷¹ О влиянии доминирующих в мире идеологических убеждений в разумном устройстве общества на рост доли государственных расходов в ВВП в XX в. см.: *Tanzi V., Schuknecht L.* Public Spending in the 20th Century. A Global Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 1, 2.

¹⁷² *Yergin D., Stanislaw J.* The Commanding Heights. New York: Touchstone Books, 1998. P. 31. «Ни один упрек не был столь страшным и столь фатальным для перспектив академической карьеры, чем быть обвиненным в „апологии“ капиталистической системы. Даже ученый, решавшийся спорить с доминирующим мнением по конкретным вопросам, вынужден был защитить себя от подобных обвинений, присоединившись к общему осуждению капиталистической системы» (*Hayek F. A. Capitalism and the Historians.* Chicago: The University of Chicago Press, 1954. P. 23).

¹⁷³ В 1947 г. программа ХДС в британской зоне Германии содержала требование национализировать горнодобывающую, сталелитейную и другие крупные отрасли промышленности (*Зиберт Х.* Эффект кобры: Как можно избежать заблуждений в экономической политике / Пер. с нем. П. И. Гребенникова. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 27, 28).

Догоняющим странам приходится прокладывать траектории своего развития не в вакууме, а в условиях динамично меняющегося мира ¹⁷⁴, правила игры в котором и влияющие на эти правила доминирующие идейные установки формируют не они, а лидеры. Для стран с близким уровнем развития, со схожими структурными характеристиками экономики и общества оптимальные решения в области денежной, торговой и промышленной политики не остаются заданными, они в значительной степени зависят от происходящего в мире.

Третье тысячелетие мир встретил в условиях глобальной экономики, свободной торговли и господства неолиберальной идеологии. Сказать, насколько продолжительным будет этот этап в мировом развитии, невозможно. Опыт показал рискованность прогнозов, основанных на экстраполяции доминирующих тенденций в странах-лидерах. Но и сегодня, и в обозримом будущем, по крайней мере до тех пор, пока вектор развития событий в мире значительно не изменится, это остается той точкой отсчета, которую нельзя игнорировать, обсуждая стратегические проблемы стран догоняющего развития, в том числе России.

3.3. Отставание от лидеров

Вступающих в современный экономический рост отделяет от его лидеров неодинаковая дистанция. Государства континентальной Западной Европы в XIX в., как правило, отставали от Англии всего на одно поколение, страны Южной и Восточной Европы – на 2–3. А Китаю потребовалось почти полтора века, чтобы только сформировать предпосылки для начала современного экономического роста ¹⁷⁵.

Временной лаг между началом современного экономического роста в Англии и стартом этого процесса в странах, которые ныне относятся к самым развитым и входят в ОЭСР, составлял 1–3 поколения. Теоретически все они имели равные возможности, чтобы воспользоваться благами науки для развития новых технологий. На самом деле первыми за лидером устремились те, у кого сформированные на стадии аграрного развития институты были наиболее гибкими, позволяли адаптироваться к специфическим требованиям динамичного развития, связанным с ним структурным переменам. У стран, вступивших в гонку позднее, отстававших в развитии от лидеров на 2–3 поколения, возникали серьезные проблемы, но были и преимущества: элиты этих стран знали, как трансформировались социальноэкономические структуры у тех, кто шел впереди, могли предвидеть предстоящие трудности.

Вопрос о наличии или об отсутствии тенденции к конвергенции уровней экономического развития – одна из наиболее дискуссионных проблем в теории современного экономического роста. Со времени публикации классической работы Р. Солоу ¹⁷⁶ представление о том, что менее развитые страны, имеющие возможность опереться на технологии, созданные в странах-лидерах, должны расти более высокими темпами, чем лидеры, получило широкое распространение. Однако реальности второй половины XX в., растущий разрыв между уровнями душевого ВВП наиболее развитых и наименее развитых стран заставили усомниться в универсальности этой тенденции (табл. 3.5). После продолжительной дискуссии ¹⁷⁷ постепенно

¹⁷⁴ Изменение темпов роста в странах-лидерах влияет на спрос, цены и соответственно на темпы экономического развития во всем мире. Снижение темпов роста в развитых странах на 1 % в год приводит к снижению темпов роста в развивающихся странах на 1–2 % (*Easterly W. The Elusive Quest for Growth. Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics. Cambridge; Massachusetts; London: The MIT Press, 2000. P. 211*).

¹⁷⁵ М. Абрамович в 1986 г. ввел понятие социального потенциала догоняющего развития (*Abramovitz M. Catching Up, Forging Ahead and Falling Behind // Journal of Economic History. Vol. 46 (2). June 1986. P. 385–406*).

¹⁷⁶ *Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. February 1956. Vol. 70. P. 65–94*.

¹⁷⁷ *Baumol W. J. Productivity Growth, Convergence and Welfare: What the Long-Run Data Show // American Economic Review. 76 (5). December 1986. P. 1072–1085; De Long J. B. Productivity Growth, Convergence and Welfare: Comment // American Economic Review. 76 (5). December 1988. P. 1138–1154*.

сформировалось мнение, что при наличии тенденции к конвергенции уровня развития стран, успешно адаптировавшихся к условиям современного экономического роста («Клуб конвергенции»), дистанция стран-лидеров по отношению к странам, не сумевшим адаптироваться к изменившимся условиям развития в XIX–XX вв., увеличилась ¹⁷⁸.

М. Абрамович обращает внимание на то, что в 1870–1979 годах при сближении показателей уровня производительности труда в странах – лидерах современного экономического роста медиана их дистанции по отношению к США практически не изменилась ¹⁷⁹ (табл. 3.6).

Один из ранних примеров конвергенции, сближения показателей уровня развития стран, вступивших в процесс современного экономического роста позже лидеров с параметрами, характерными в наше время для наиболее развитых стран, – Скандинавия. Скандинавские страны начинают современный экономический рост, индустриализацию лишь с середины XIX в., на поколение позже, чем наиболее динамичные страны континентальной Европы. В 1870 году душевой ВВП Швеции составлял 52 % душевого ВВП Англии, 60 % душевого ВВП Голландии, 62 % душевого ВВП Бельгии. К 1910 году эта дистанция сокращается: соответствующее соотношение составляет 63, 81 и 75 %.

Причины успешного развития Скандинавских стран, позволившие им сократить, а потом и преодолеть дистанцию, отделяющую их от лидеров современного экономического роста, – предмет оживленной дискуссии. Одно из объяснений – высокий по европейским стандартам середины XIX в. уровень распространения образования в Скандинавских странах ¹⁸⁰. К 1850 году Швеция была наиболее грамотной страной Европы. К концу XIX в. распространение начального образования в Швеции значительно опережает показатели, характерные для большинства стран Западной Европы. Авторы более поздних исследований, признавая роль образовательного потенциала Скандинавских стран, позволившего им активно использовать технологии, созданные в странах – лидерах современного экономического роста, вместе с тем обращают внимание на открытость их экономик, последовательную линию на интеграцию в мировой рынок ¹⁸¹. В условиях первого периода глобализации такая экономическая политика была эффективным способом ускорения развития.

ТАБЛИЦА 3.5

Соотношение душевых ВВП наименее и наиболее развитых стран, %

¹⁷⁸ De Long J. B. Productivity Growth, Convergence and Welfare: Comment // American Economic Review. 76 (5). December 1988. P. 1138–1154.

¹⁷⁹ Abramovitz M. Thinking about Growth, and other Essays on Economic Growth and Welfare. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 220–228.

¹⁸⁰ О роли высокого уровня образования в экономическом подъеме Швеции перед Первой мировой войной см.: Sandberg L. G. The Case of the Impoverished Sophisticate: Human Capital and Swedish Economic Growth before World War I // Journal of Economic History. 1979. 39 (1). P. 225–241; Idem. G. Ignorance Poverty and Economic Backwardness in the Early Stage of European Industrialization // Journal of European Economic History. 11 (3). 1982. P. 675–697.

¹⁸¹ О роли открытой внешнеэкономической политики в подъеме Швеции см.: O'Rourke K., Williamson J. G. Open Economy Forces and Late 19th Century Scandinavian Catch-up. Discussion Paper N 1709. Cambridge; Massachusetts: Harvard University, 1995. P. 1, 31, 32.

	1820 г.		
	Китай	Индия	Бразилия
Великобритания	30	30	38
	1992 г.		
	Эфиопия	Заир	Танзания
США	1,4	1,6	2,8

Источник: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995. P. 202–206.*

ТАБЛИЦА 3.6

Сравнительные уровни производительности труда в развитых странах в 1870–1979 гг. (ВВП на человеко-час США = 100)¹⁸²

Год	Средний уровень производительности в различных странах**	Коэффициент вариации***
1870	77 (66)	0,51 (0,51)
1890	68 (68)	0,48 (0,48)
1913	61	0,33
1929	57	0,29
1938	61	0,22
1950	46	0,36
1960	52	0,29
1973	69	0,14
1979	75	0,15

** В расчет взяты страны: Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Япония, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария, Великобритания и США.

*** Отношение стандартного отклонения к среднему.

Источник: *Abramovitz M. Thinking about Growth, and other Essays on Economic Growth and Welfare. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 226.*

Еще один пример успешной стратегии догоняющего развития, позволяющей сократить, а затем ликвидировать разрыв в уровнях душевого ВВП, – опыт Японии во второй половине XIX–XX вв. Этому способствовала долгосрочная традиция ориентации на институты более развитых стран, характерная для этой страны. В V–VI вв. дистанция между Японией и Китаем по уровню развития была велика. Японская элита осознавала себя элитой варварской страны, призванной овладеть опытом более развитого и цивилизованного общества. С этого

¹⁸² В скобках указаны данные, рассчитанные на базе Великобритании (Великобритания 100).

времени заимствование институциональных структур – органическая часть японской традиции¹⁸³. Именно этот факт облегчил Японии использование той же стратегии, но уже с ориентацией не на Китай, а на страны западной цивилизации со второй половины XIX в.¹⁸⁴ Японские власти сумели осознать, что экономический подъем Запада связан не только с современной техникой, он основывается на принятии свободного рынка, частного права. Когда эти установления удалось включить в систему национальных институтов, Япония продемонстрировала один из самых успешных примеров экономического роста на рубеже XIX и XX вв., к концу 60-х годов XX в. по уровню душевого ВВП вплотную приблизившись к странам-лидерам¹⁸⁵. В свою очередь, формирование экономической политики стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX в. находилось под очевидным влиянием опыта успешного развития Японии и опиралось на заимствование японских установлений¹⁸⁶.

Запоздавшие с индустриализацией страны вынуждены были для преодоления своей отсталости мобилизовывать на финансирование индустриализации более значительную часть валового национального продукта, чем страны-лидеры. В период промышленного рывка Великобритания инвестировала в производство 6–7 % ВВП, Франция – 10–11, Германия – 10,5–11,5, Италия – 11,5–12,5, Япония – 13,5–14,5, а США – 15–16 %¹⁸⁷.

А. Гершенкрон был одним из первых исследователей, выявивших связь различия национальных путей индустриализации с уровнем относительной экономической отсталости. На базе обширного экономико-исторического материала он показал, что тезис о более развитой стране, демонстрирующей менее развитую картину ее собственного будущего, далек от реальности¹⁸⁸, подметил связь между отставанием от лидеров и уровнем государственного участия в экономическом развитии. Чем дистанция длиннее, тем, как правило, более активную роль играло государство, обеспечивая в своей стране условия для начала современного экономического роста¹⁸⁹. (Об этом см. ниже, в гл. 11.) С увеличением дистанции, отделяющей от лидеров, расширяются возможности технологических заимствований, которые поощряет и организует государство. Развитие событий во второй половине XX в. показало, что эта зависимость не универсальна, однако в целом она сохраняется¹⁹⁰.

¹⁸³ О влиянии надельной системы, введенной в Китае в период династии Суй и Тан, на формирование институтов земельной собственности и налогообложения в Японии см.: Конрад Н. И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. С. 75–161; Curtin P. D. *The World & the West*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 156–192.

¹⁸⁴ Morishima M. *Why Has Japan Succeeded?* Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1982. P. 16–20, 24.

¹⁸⁵ Latham Kawakatsu H. *Asia Pacific Dynamism: 1550–2000*. London; New York: Routledge, 2000. P. 70–85.

¹⁸⁶ См.: Мельящев В. А. «Восточноазиатская модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М.: Изд. центр ИС А А при МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. С. 5.

¹⁸⁷ См.: Мельящев В. А. Экономический рост стран Востока и Запада в долгосрочной перспективе: Автореф. дис. д-ра экон. наук. М., 1995. С. 212.

¹⁸⁸ Gerschenkron A. *Continuity in History and Other Essays*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1968.

¹⁸⁹ О связи между отставанием от лидера к началу индустриализации и ее национальными путями, в частности темпами роста, средним размером предприятий, долей тяжелой промышленности в структуре выпуска, опорой на технологические заимствования и финансовую помощь из-за рубежа, ролью государственного бюджета и т. д. см.: Gerschenkron A. *Europe in the Russian Mirror*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 98, 99. О влиянии времени начала современного экономического роста на специфику национальных траекторий развития см. также: Kuznets S. *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*. P. 291, 292. С. Витте писал Николаю II: «В России по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность» (Власть и реформы: От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996. С. 416).

¹⁹⁰ Последующие работы, посвященные догоняющей индустриализации в Европе, заставили многих исследователей усомниться в точности тезиса А. Гершенкрона о прямой зависимости масштаба участия государства в экономике на ранних этапах индустриализации с дистанцией от лидеров. Но в целом опыт XX в. скорее подтверждает, чем опровергает, его гипотезу (Latham Kawakatsu H. *Asia Pacific Dynamism: 1550–2000*. London; New York: Routledge, 2000. P. 86–103).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.